

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ
ШАТУН

Андрей Михайлович Дышев

Шатун

Серия «Дочь волка и Кирилл Вацура»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6724438*

А. Дышев. Шатун: Эксмо;

Аннотация

Зима. Глухой лес. Занесенная снегом дорога. Охотничий приют... Здесь собрались бывшие одноклассники, чтобы отметить пятинадцатилетие со дня выпуска. Народ разношерстный: здесь и бизнес-леди, и оперуполномоченный, и бомж-алкоголик, и шулер-альфонс, и лузер-неудачник. Разумеется, имеется оружие. По законам жанра оно стреляет, и замершие от ужаса одноклассники смотрят на труп.

Один из одноклассников – Кирилл Вацура – берется за расследование. Подозреваются все. И не только в убийстве. Но и в ненависти. В предательстве. В слабости. И в любви.

Как бы то ни было, за все придется расплачиваться. Кровью...

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Медвежьи жаканы	9
Глава 2. Дорога вверх	12
Глава 3. Портвейн или что-нибудь недорогое	15
Глава 4. Превышение скорости	18
Глава 5. Кудрявый наглец	23
Глава 6. Побитый пес	30
Глава 7. Ирка	34
Глава 8. Кто шагает дружно в ряд?	38
Глава 9. Ей все это не нравится	47
Глава 10. Арендатор	54
Глава 11. Легкая ложь	65
Глава 12. И стало тихо	74
Глава 13. Дом посреди леса	78
Глава 14. Ключ от ворот	81
Глава 15. Ирина занята	86
Глава 16. Комплекс детства	88
Глава 17. Дробовик в промасленной тряпке	96
Глава 18. Двое на кухне	102
Глава 19. Как скучно вспоминать школу!	110
Глава 20. Рыбка проглотила крючок	115
Глава 21. Монтировка в рукаве	119
Глава 22. Кровь на снегу	121

Глава 23. Лиловый цветок	123
Глава 24. Нехорошая игра	132
Глава 25. Что за шутки, чувак?	142
Глава 26. Кто кого держит за баранов?	146
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андрей Дышев

Шатун

Андрей Дышев

* * *

*Память об обидах долговечнее, нежели память
о благодеяниях.*

Пьер Буаст.

Предисловие

В конце февраля на обрывистых лесных склонах Безымянки, впадающей в Малую Лабу, еще покрытых крепкими сугробами, объявился медведь-шатун. Собственно, о бродячем убийце егерям вразумительно рассказали лишь два горнолыжника, которые в течение недели развлекались на отвесных склонах трехтысячника Цахвоа, где резали крепкий снежный наст своими малиновыми сноубордами. По их словам, глубокой ночью они слышали душераздирающие человеческие вопли и страшный рык, доносившийся из ущелья, в котором находился их бивуак. Будучи людьми отчаянными и в известной мере строптивыми, горнолыжники, вооружившись фонариком и газовым пистолетом, поспешно покинули теплые спальные мешки и выбежали под звезды.

Они прошли по дну сухого русла, заваленному камнями и осколками льда, приблизительно километр и увидели разодранную включья палатку, которую накануне вечером поставил одинокий альпинист. Снег вокруг палатки был изрядно утоптан широкими медвежьими следами, но особое впечатление производили отпечатки огромных серповидных когтей. Весьма грустное зрелище представлял из себя рюкзак, напоминающий пеструю набедренную повязку из тонких тканевых ленточек. Вещи, снаряжение, спутанные бухты веревок валялись повсюду. Две жестяные банки из-под

тушенки какой-то нечеловеческой силой были сплющены, словно попали под асфальтовый каток. Дополняли картину обширные пятна крови, которые на снегу выглядели особенно страшно, маслянисто поблескивая в лучах фонарика.

Не без труда сохраняя в себе присутствие духа, лыжники прошли по руслу выше, где вскоре нашли останки альпиниста. Он был мертв и успел заоченеть на крепком морозе. Следы расправы были ужасны: с головы несчастного был начисто содран скальп, лицо обезображено когтями, дырявое горло было заполнено запекшимся комком крови, а левая рука частично съедена. В уцелевшей правой альпинист все еще сжимал пустую гильзу от сигнальной ракеты.

Руководители заповедника, где произошла трагедия, немедленно выслали в ущелье группу спасателей и охотников, которые были соответствующим образом вооружены, но мохнатого бандита выследить не удалось. Мало того, егеря высказали дружный скептицизм относительно столь жестокой проказы медведя. Они предположили, что альпинист мог еще днем по причине неосторожности сорваться со скалы и разбиться на дне русла, а ни в чем не повинный мишка приковылял в поисках сладкого уже к опустевшей палатке.

Очевидно, егеря решили пощадить нервы курортников из многочисленных баз отдыха, которые были рассыпаны по окрестности границы заповедника. Тем не менее, гости района уже пребывали в состоянии легкой паники. Они предпочитали не выходить за пределы баз, тем более, не гулять по

лесу в темное время суток и плодили великое множество бак про убийцу-шатуна.

Ходили слухи, что гигантские следы медвежьих лап были обнаружены в районе плотины, поддерживающей уровень воды в системе горных озер, и что разъяренному зверю вполне по силам ликвидировать охрану и нарушить гидросистему, вызвав небывалую экологическую катастрофу. Утверждали, что шатун ранен сигнальной ракетой, и потому он так свиреп. Гуляла информация о том, что зверь подчистую вырезал население небольшого горного селения, и в связи с этим в заповедник готовится заброска батальона спецназ. Самым экзотическим примером народного творчества стала версия, что зоологи нарочно дурят население сказками о кровожадном медведе, чтобы не привлечь внимание охотников-браконьеров к йети, который случайно забрел на территорию заповедника, спустившись с заснеженного хребта Мамхурц.

На фоне крутого замеса показаний двух горнолыжников и прилипших к ним выдумок и страшилок трудно было ответить определенно: благодаря медведю или вопреки ему крупные фешенебельные отели и мелкие частные гостиницы, примыкающие к лыжным трассам, были забиты под завязку, и найти свободное место можно было только на частном секторе.

Глава 1. Медвежьи жаканы

– Могу предложить последнюю модель, – сказал продавец, снимая с витрины сверкающее аспидным стволом, завораживающе-красивое помповое ружье. – Цена, конечно, у него впечатляющая, зато характеристики просто великолепные. Прошу прощения, а вы на кого собираетесь охотиться?

Кирилл держал в руках ружье, внимательно рассматривая его. В этом оружии сразу чувствовалась сила, а ему нравилось все сильное и мощное: автомобили, катера, компьютеры и стиральные машины.

– На медведя, – ответил Кирилл и аккуратно, как обращаются с произведением искусства, оттянул затвор.

– В таком случае, это именно то, что вам надо! – обрадовался продавец. – Возьмете к нему свинцовые жаканы – и можете идти хоть на медведя, хоть на слона, хоть на динозавра.

"Или не валять дурака? – думал Кирилл, прижимаясь щекой к прикладу. Ружье притягивало, как всегда мужчину притягивает оружие. – Зачем я сам создаю себе лишние проблемы? Регистрация, лицензия, чехлы, сейфы, перевозка – крыша поедет от всех этих дел. Не проще ли взять с собой дорожный чемоданчик со сменным бельем и бритвой, одеть костюм, легкие ботиночки и приехать на встречу, как это делают все нормальные люди?"

Продавец профессионально угадал смену настроения у клиента.

– Я вам вот что скажу, молодой человек, – заговорщицким шепотом произнес он. – Вы ведь не просто ружье покупаете, как, скажем, удочку или силок на зайца. Вы выбираете себе друга. Один раз и на всю жизнь.

– Разве так бывает? – спросил Кирилл, целясь в галогеновую лампочку на потолке.

– А как же! – удивился некомпетентности клиента продавец. – Друг – это судьба. Настоящий мужчина создает образ своей жизни только при помощи верных друзей... Возьмите это ружье. Может быть, оно спасет вам жизнь.

Кирилл вышел из магазина. Погода испортилась вконец. С неба валили густые снежные хлопья. Он сел в машину, закинул зачехленное ружье на заднее сидение и включил магнитолу – может, еще что-нибудь передадут про взбесившегося медведя?

Ехать в Краснодарский край он решил еще неделю назад. Под конец зимы его всегда тянуло куда-нибудь подальше от рабочего кабинета, в дикие места, где можно было вдоволь насытить кровь адреналином. В позапрошлом году он ездил в Альпы на скальные маршруты. В прошлом – в Тайвань, где прыгал с парашютом над водопадом. А в этот раз решил пойти на медведя. К тому же появилась еще одна веская причина поехать в Кавказский заповедник – неделю назад он получил письмо от своего одноклассника Кости Войтенко. Тот

приглашал Кирилла на встречу с классом в гостиницу "Ковчег", которая находилась как раз рядом с заповедником.

Пятнадцать лет прошло, думал Кирилл, нажимая на магнитоле кнопку настройки. Со дня выпуска он не встречался ни с кем – слишком далеко от Краснодара закидывала его судьба. Какие они теперь, выпускники десятого "Б"? Найдут ли общий язык? Интересно ли будет им вместе?

Он повернулся, взял с заднего сиденья ружье, вынул его из чехла и положил на колени. Продавец – все же калач тертый. Уболтал-таки купить эту дорогую игрушку. "Возьмите, может быть, оно спасет вам жизнь..." Типун ему на язык, рабу рекламы!

Глава 2. Дорога вверх

Тяжелый, сильный "лексус" поднимался по извилистой дороге. Шипованная резина без труда справлялась с отшлифованными до льда поворотами, и машина не буксовала, не замедляла ход. Поселок Эсто-Садок, оставшийся внизу, скрылся в тумане. Заснеженная дорога напоминала кривую просеку, проложенную через дремучий буковый лес.

Ирина, поглядывая через тонированное окно на серо-зеленые, покрытые мхом и лишайниками стволы деревьев, искала какой-нибудь дорожный указатель, чтобы хотя бы приблизительно определиться, скоро ли появится гостиница "Ковчег". Но дорога после поселка была лишена знаков, как и четких границ, и лишь изредка на крутых поворотах попадались нестройные ряды раскрошившихся от вечной сырости ограничительных столбиков.

Она устала от долгой езды, и даже великолепный салон машины не позволил ей расслабиться и сберечь силы для предстоящей встречи. Она привыкла к самолетам и мерила расстояния в часах полета. Два – до Москвы, три – до Пафоса, четыре – до Шарм-эль-Шейха, пять – до Парижа. Конечно, можно было из Краснодара долететь до Адлера самолетом, а оттуда добраться до гостиницы на такси. Но именно такси – традиционно грязно-желтая, раздолбанная донельзя "волга" – смазало бы весь эффект.

– Долго еще? – спросила она водителя Лешу.

– Не думаю, – сразу ответил водитель, зная, что Ирина Юрьевна не терпит пауз после своих вопросов. – Дорога вверх никогда не бывает слишком длинной. Она оканчивается либо вершиной, либо пропастью.

Да о каком такси можно говорить! Она даже водителя искала с той придирчивостью, с какой выбирают мужа или дом. И нашла. Узким лбом и квадратной челюстью он, конечно, на Алена Делона был мало похож, зато рост и плечи – ого-го! Бывший боксер-тяжеловес, мастер спорта по стендовой стрельбе, каратист. И водитель, и телохранитель в одном лице.

Ирина раскрыла свой дорожный саквояж, наполненный дорогой косметикой, посмотрелась в зеркальце, поправила пальчиком завиток темной пряди и потянулась за баллончиком с лаком. Струя с крепким цветочным запахом едва ощутимо прошла по ее волосам. Порядок. Хорошо, что еще остался загар с пляжа Красного моря, и не видны темные круги под глазами. Она должна выглядеть ошеломляюще. Она должна сразить его наповал. Раздавить. Растоптать. Вот только... Вот только сапожки на тонких и чрезмерно высоких каблуках совсем не годятся для прогулок по заснеженным дорогам. Но ничего другого, кроме туфель из черного бархата на столь же высоком каблуке и кроссовок, она с собой не взяла. Увы! Тут она, Ирина Юрьевна Гончарова, генеральный директор фирмы, торгующей компьютерами, бес-

сильна. Природа не наделила ее достойными ногами и ростом. И лицо ее без стараний визажиста и косметолога представляло бы довольно грустное зрелище. Зато у нее есть ум, деловая хватка и деньги. Большие деньги. Огромные деньги.

А что есть у него? Сохранилась ли его былая красота, не померкла ли некогда блистательная улыбка, которая когда-то давно, пятнадцать лет назад, сводила с ума всех девчонок в классе?

Глава 3. Портвейн или что-нибудь недорогое

Белкин приехал в гостиницу "Ковчег" на день раньше той даты, которую указал в письме Войтенко. Он был уверен, что как минимум половина одноклассников уже там, что он сразу же устроится в теплый номер, и до прибытия оставшихся по-человечески отдохнет, употребив пару бутылок крепленого вина. Но администратор гостиницы сказала, что никакого Войтенко не знает, и свободных номеров в гостинице нет.

Белкин не придал услышанному большого значения. Он понял, что, как всегда, будет наказан за свою торопливость и, глядя с крыльца "Ковчега" в серый туманный лес, стал думать, где бы ему раздобыть спиртного. Старый замусоленный пуховик, в котором он был, давно прохудился и перестал держать тепло; стоптанные туфли, не предназначенные для снега даже в пору своей молодости, отсырели, но Белкин привык к холоду и переносил дискомфорт несравненно легче, чем состояние трезвости.

Помахивая полиэтиленовым пакетом, в котором лежало все, что он имел – вязаная спортивная шапочка да фантастический роман "Битва королей Галамапутамуса", он перевел взгляд на тихий, темнооконный ресторан, гармонично при-

строенный к отвесной скале. Из-за своей треугольной крыши, нижние края которой почти достигали земли, он казался уменьшенной копией гостиницы, с той лишь разницей, что в его широких окнах (от земли до основания крыши) не горел свет.

"Работает или нет?" – подумал Белкин, но вовсе не потому, что собирался туда пойти.

Скрипнула массивная, обитая железом дверь ресторана, и оттуда вышла рыжая девушка в белом кокошнике и кружевном фартуке, наверное, официантка. Она накинула на плечи светлый кроличий полушубок и, глядя вниз, заскользила тапочками по утрамбованному снегу почти не поднимая ног.

"Вот у нее я и спрошу", – подумал Белкин, но опоздал раскрыть рот.

– У вас проблемы с устройством? – спросила его девушка, приблизившись настолько, что Белкин уловил идущий от нее запах какой-то ароматной приправы. – Вам нужна комната?

Он, еще не утратив способность комплексовать из-за своего неряшливого вида, начал снова размахивать пакетом, оживленно и путано объясняя:

– Да у меня есть номер, только я никак не встречу одного человека... А где тут у вас поблизости магазин вино-водочных изделий? А у вас в ресторане есть портвейн или еще что-нибудь недорогое?

Официантка только теперь хорошенько рассмотрела ис-

питое лицо незнакомца, его замусоленный пуховик, и брови ее дрогнули.

– Что-нибудь недорогое? – растерянно переспросила она и, повернувшись к нему спиной, добавила: – Не знаю. В поселок идите.

"Ага, разбежался! – подумал Белкин. – Не хватало мне только на ментов там нарваться."

Помахивая пакетом, он не спеша пошел по дорожке, мощенной плоскими замшелыми плитками. Дорожка, очищенная от снега лишь у входа в гостиницу, вела через лес на базу отдыха, на краю которой стояла котельня. Черную дымящуюся трубу Белкин заметил еще с автостанции – она торчала на склоне горы словно мачта корабля. Расположение котелен и винных магазинов откладывалось в его мозгу помимо воли, и он мог разыскать их потом хоть с завязанными глазами.

Официантка стояла в гардеробе, где никто никогда не оставлял одежду. Прижавшись плечом к лаченому деревянному брусу, покрытому рельефными изображениями сказочных персонажей, она через затемненное окно наблюдала за незнакомцем. Когда он поднялся по ступенькам и, недолго постояв на площадке обзора, скрылся за стволами деревьев, она подышала на стекло и пальцем нарисовала смешного человечка с большими ушами и огромной, как у Буратино, улыбкой.

Глава 4. Превышение скорости

Земцов по своему обыкновению не обратил внимания на знак, ограничивающий скорость, хотя уже успел изучить все дорожные знаки в Эсто-Садке. Он на прежней скорости пронесся мимо оранжевых строительных машин, стоящих на обочине. Едва он миновал зону ремонта, как откуда-то из кустов на шоссе неторопливо вышел инспектор, с недвусмысленными намерениями помахивая жезлом.

"Свалился ты на мою голову!" – подумал Земцов, притормаживая и съезжая на обочину.

Пока инспектор приближался к машине, Земцов думал, представлять ему удостоверение сотрудника уголовного розыска или же сохранить инкогнито и ограничиться предъявлением водительских прав. Ему не хотелось, чтобы местной милиции стало известно, что вот уже несколько дней в традиционно благополучной горнолыжной зоне с подозрительными намерениями околачивается старший оперуполномоченный из оперативно-розыскного бюро. Это наверняка родит в среде местных стражей правопорядка лавину слухов и догадок. И Земцова не оставят в покое, организуют за ним слежку, поставят в центр внимания. А в таких условиях разве можно будет нормально работать?

– Превышение имеем, – сказал инспектор, подходя к машине и вяло козырнув. – Прошу предоставить документы и

машину к досмотру...

"Этот вцепится мертвой хваткой и будет мурыжить меня по полной программе," – подумал Земцов, доставая из кармана удостоверение. Ради экономии времени и спасения собственного достоинства приходилось раскрываться.

– Добрый день, товарищ майор! – уже другим тоном произнес инспектор и снова козырнул. Бережно вернув удостоверение Земцову, он жизнерадостно поинтересовался: – Отдыхаете у нас? Или как?

– Катаюсь, – ответил Земцов и взялся за рычаг передач.

– Катайтесь на здоровье! – с облегчением сказал инспектор и учтиво предупредил: – А про шатуна вы уже слышали?.. На всякий случай постарайтесь не выходить из дома в ночное время суток.

– Я постараюсь, – пообещал Земцов, трогаясь с места.

Он посмотрел в зеркало заднего вида. Инспектор стоял на обочине, провожая машину взглядом. "Проболтает своим или нет?" – подумал он.

Для одноклассников у него была приготовлена надежная легенда: закончил политехнический, служил в армии, остался на офицерской должности, десять лет просидел в отделе кадров, потом уволился и до настоящего времени работает в охранной структуре. Должны поверить. О его учебе в юридическом и, тем более, о работе в угро, вряд ли кто мог знать.

Он покатился по центральной улице и, сбавив скорость, стал искать автостоянку. Что-то похожее он здесь видел...

Вдоль узкой и извилистой дороги стояли ряды аккуратных коттеджей с красными черепичными крышами, присыпанными снегом. Без труда можно было распознать приезжих: в большинстве случаев они были в ярких горнолыжных костюмах, а их лица отливали бронзовым загаром. "И все же, как тут красиво! – подумал Земцов, кидая взгляды на крутые склоны гор, покрытые заснеженными лесами. – В самом деле, выбраться бы сюда на отдых, покататься на лыжах, поваляться в сугробах!"

Он мысленно вздохнул и свернул на стоянку, расположенную рядом с большим гостиничным комплексом.

– Надолго? – спросил охранник, склоняя голову, чтобы через окно увидеть Земцова.

– Дня на три.

Дождавшись, когда охранник закрепит на стеклоочистителе квитанцию и отойдет, Земцов положил на колени толстый черный кейс, с которым он обычно ездил в командировки, поднял крышку и кинул взгляд на вещи, раздумывая, что ему пригодится, а что нет. Первым он взял пистолет, выдвинул обойму, посмотрел, все ли патроны, и с щелчком загнал ее в рукоятку. "Дай Бог, не пригодится," – подумал он, заталкивая пистолет под куртку, в наплечную кобуру.

Потом он вынул из кожаного органайзера почтовый конверт, из него извлек письмо и в последний раз, свежим взглядом, перечитал его. Небольшой текст был отпечатан на принтере игривым шрифтом с завитушками, лишь только имя

Земцова было вписано от руки:

"Дорогой(ая) Серега Земцов! Ты, наверное, удивишься моему письму, но я считаю своим долгом напомнить тебе, что в этом году исполняется ровно пятнадцать лет, как наш дружный 10-й "Б" класс Краснодарской средней школы № 37 навсегда распрощался с учителями и упорхнул в свободный полет. Эту славную дату нельзя оставить без внимания. Поэтому начинаю готовить нашу встречу по высшему разряду. Наш бессменный комсорг Саша Пирогов разыщет ваши адреса и разошлет письма. А я беру на себя гостиницу, питание и культурную программу. От тебя требуется только твое присутствие. Будет очень хорошо, если ты прихватишь с собой какие-нибудь фотографии, которые помогут нам вспомнить школьные годы. Ждем тебя в гостинице "Ковчег" двадцатого февраля, которая находится недалеко от поселка Эсто-Садок, что в пятидесяти километрах от Адлера. Твой одноклассник – Костя Войтенко."

Земцов вложил письмо в конверт и спрятал его в нагрудный карман. Порядок! Если не думать о работе, выкинуть из головы это письмо, вспомнить далекие школьные годы, то душу начнет щекотать самая настоящая ностальгия по детству, и появится искреннее желание блеснуть перед бывшими одноклассниками своей крутой должностью, и, конечно, пробудится заурядное обывательское любопытство к своей прежней поклоннице Ирине Гончаровой.

Но он ехал на это мероприятие не ради сентиментальных

воспоминаний, вздохов, охов и изрядной выпивки. Он делал карьеру и мысленно молил бога, чтобы среди его одноклассников не оказалось человека, который бы обратил внимание на одно странное обстоятельство. Костя Войтенко никак не мог организовать эту встречу и "взять на себя гостиницу, питание и культурную программу"; он не мог даже распечатать на принтере и отправить письма Саше Пирогову – по той простой причине, что вот уже два года отбывал наказание в колонии усиленного режима, находящейся где-то за Полярным кругом.

– А баксами нет? – спросил охранник стоянки, когда Земцов протянул ему пятисотрублевую купюру. – Курортная зона, мы здесь баксами не брезгуем.

– Баксов нет, – ответил Земцов, машинально раскрывая бумажник.

– Так вон же двадцаточка у вас выглядывает! – заметил охранник. – Давайте двадцатку, сдачу я найду.

– Нет тут никаких двадцаточек, – ответил Земцов, заталив бумажник во внутренний карман.

Охранник лишь плечами пожал. Несколько долларовых купюр, в самом деле, лежали в бумажнике Земцова в отдельной секции. Но это были не настоящие доллары. Точнее, они когда-то были обыкновенными, а потом в специальной типографии ФСБ на них нанесли невидимую для невооруженного глаза микроскопическую надпись: "КОНТРОЛИРУЕТСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКОЙ ФСБ".

Глава 5. Кудрявый наглец

Вешний делал вид, что спит, надеясь, что она сразу не выставит его на улицу, оставит дома хотя бы до обеда. "Какая же все-таки она страшная! – думал он, наблюдая за женщиной из-под полуприкрытых век. – Толстая и неповоротливая, как дирижабль Умберто Нобиле."

– Вставайте, – прошептала женщина и осторожно тронула его за плечо. – Вы меня слышите? Мне пора уходить на работу... Джон, дорогой, вставайте!

– Это ужасно, – пробормотал Андрей, крепче прижимаясь щекой к подушке, и по-английски добавил: – The grandmother has prepared to me for supper a soup from a moustache the cat.¹

– Простите, я не поняла, – произнесла женщина и медленно присела на край кровати.

– Я спрашиваю, – с ужасным англо-эстонским акцентом произнес Андрей, садясь в постели и закуривая, – где тут есть ближайший банкомат? Я должен дать вам денег...

И без того румяное лицо женщины зарделось. Страдая от стыда, она пожала плечами и ответила, что банкоматов в Эстот-Садке отродясь не было, но если Джон настолько великодушен, что хочет помочь ей материально, то она может оста-

¹ Бабушка подготовила мне к ужину суп из усов кошки.

вить ему свой домашний адрес, чтобы он прислал ей деньги из Америки.

"Как же ее зовут?" – силился вспомнить Андрей, напяливая рубашку.

Она, полагая, что американец к этому привык, подала ему кофе в постель. Он, боясь не удержать хрупкое сооружение из блюдца с чашкой, наполненной до краев крутым кипятком, закричал "Ноу! Ноу!" и кивком указал на стол.

Пока он шумно прихлебывал кофе, глядя подпухшими глазами на молочно-белый рассвет, струящийся из окна, она обещала опросить старожилов и найти то место, где когда-то стоял каменный дом с башенками в виде лондонского "Биг Бэна". Андрей плохо понимал, о каком доме она говорит, и при чем тут "Биг Бэн". Он успел забыть о том, как вчера представился этой женщине англичанином эстонского происхождения, который разыскивает в Эсто-Садке руины дома своей прабабушки Матильды Цыбуральской. Его не мучила совесть, он дурил людей всегда легко и непринужденно, чаще без всякой корыстной цели, и это было для него чем-то вроде нескончаемого маскарада, где одну маску он заменял другой.

В тесном умывальнике ему пришлось низко пригнуть голову, чтобы рассмотреть свое лицо в зеркале. "Три балла", – мысленно оценил он физиономию и стал массировать мешки под глазами. О чем он никогда не беспокоился по утрам, так это о своем приличном росте, который оставался неизмен-

ным, о впалом животе, который почему-то приводил женщин в восторг, и о белесых кучерявых волосах, которые не нуждались в расческе и шампуне от перхоти.

Они вышли на крыльцо. Пока женщина запирала дверь на ключ, Андрей незаметно юркнул в калитку и выбежал на улицу. Застегивая на ходу куртку, он добежал до поворота, а потом перешел на шаг. Не останавливаясь, зачерпнул рукой свежего рассыпчатого снега, протер им лицо, затем подпрыгнул, сорвав шишку со ветки сосны, и принялся шелушить ее, отыскивая семечки.

– Какое сегодня число? – спросил он прохожего.

– Двадцатое, – немедленно ответил прохожий и тотчас засомневался.

Андрей зашел в первый попавшийся магазин, встал у прилавка, засыпанного хлебными крошками, и стал выкладывать на тарелку для мелочи содержимое своих карманов.

– Что вам? – спросила молоденькая продавщица тихим голосом, глядя на зажигалку, точилку для карандашей и маляхитового жука, которые появились из кармана покупателя.

Андрей разглаживал на ладони, пересчитывал и все время ронял на пол мятые купюры – доллары, дойчмарки и кипрские фунты.

– Какой сегодня курс?

Он так строго посмотрел на нее, что продавщица растерялась, отрицательно покачала головой и неуверенно произнесла:

– Мы не меняем... мы принимаем только рубли.

Рублевой наличности хватило только на сдобную булочку.

– М-да, – с некоторым разочарованием в голосе произнес он, в упор рассматривая лицо девушки, и высыпал монеты в тарелку. – Натура далекая от изящных классических пропорций. И тем не менее горный колорит оставляет шанс для академического духа...

Он откусил и с трудом проглотил кусок сухой булки.

– Сегодня у меня встреча с выпускниками студии Грекова, – сказал он, взглянув на часы, – а вот завтра вечером я свободен. Гостиница "Ковчег", спросишь художника Клима Энсора. Я закажу для тебя гостевую карту. Один час работы натурщицей – пятьдесят долларов. Согласна?

Он оставил ей в подарок малахитового жука и вышел на улицу.

"Да, – подумал он. – Я определенно обязан намылить Пирогову физиономию и трахнуть кого-нибудь из наших девчонок. Интересно, а насколько они стали страшны?"

Он скормил остатки булки двум голубям, разгуливающим рядом с мусорной урной, и зашагал дальше. У неряшливого здания с зарешеченными окнами он остановился, посмотрел на табличку "Пункт общественного порядка", на припаркованный у входа желтый милицейский "уаз" и сгреб с забора горсть снега. Растерев им до красноты лицо, он расстегнул куртку и во весь дух побежал к дверям. Ворвавшись в здание и очутившись в темном узком коридоре, он сослепу налетел

на стол, за которым играли в домино два милиционера.

– Убийство! – не своим голосом закричал Андрей. – Труп! Быстрее! Еще не поздно его задержать!

Милиционеры вскочили, побросав "кости" на стол.

– Где труп? Успокойся! Нормально объясни!

– Быстрее! – продолжал орать Андрей. – Он может уйти!

– Кто? Труп?

– Да нет! Убийца! Здесь не далеко! На повороте!

– На каком повороте?

– К гостинице "Ковчег"! Быстрее, прошу вас!

Милиционеры переглянулись.

– Гоним! – сказал один из них и кинулся к выходу.

Через минуту желтый "уаз" уже мчался по поселку и, пронзительно сигналив, распугивал приезжих.

– Это ужасно, – бормотал Андрей. – Его уже стало засыпать снегом. Лицо зеленое, рот приоткрыт. А вокруг – следы, следы, следы...

– Ты уверен, что это был труп? – спросил милиционер, который был за рулем.

– А как можно сомневаться, если он не подавал признаков жизни? – ответил Андрей и высморкался в шарф.

– Кроме тебя его еще кто-нибудь видел? – спросил второй и как-то странно взглянул на Андрея.

– Нет, никто, – признался Андрей и упавшим голосом добавил: – Я понимаю, вы станете подозревать меня. Надежда только на презумпцию...

– Да ладно тебе языком трепать! – махнул рукой милиционер и отвернулся. – Никто тебя пока не подозревает.

Машина выехала за пределы поселка, миновала мост через бурную и мелководную реку и помчалась вдоль лесных заснеженных склонов. Вскоре водитель свернул на грунтовку, которая змейкой поднималась в гору.

– Стоп! Здесь! – скомандовал Андрей и первым вышел из машины.

– И где твой труп? – спросили милиционеры, оглядевшись.

Андрей, почесывая щеки, ходил от обочины к обочине, глядя себе под ноги.

– Ничего не понимаю, – сказал он и покосился на милиционеров. – Полчаса назад он лежал вот здесь.

– По-моему, парень, ты нам лапшу на уши вешаешь, – со скрытой угрозой произнес один из милиционеров и поманил Андрея пальцем: – Ну-ка, иди сюда!

– Да вы что?! – крикнул Андрей и ловко взобрался на замшелый валун. – Правду говорю! Вот там он лежал. Рот раскрыт, в одной руке бутылка водки, а в другой – кусок колбасы...

– Сюда, говорю! – крикнул милиционер и сделал вид, что пытается достать пистолет.

– Ага, сейчас! – кивнул головой Андрей и в несколько прыжков поднялся еще выше по склону. – Ошибиться даже нельзя! Даже если это был пьяный, так, значит, бдительность

надо потерять, да? А закон гласит, что общественность обязана содействовать органам правопорядка!

– Вот же сволочь! – выругался второй милиционер и погрозил кулаком. – Встречу – ребра переломаю.

– Вот она, вот она благодарность! – кричал Андрей, поднимаясь все выше. – Я старался, в поте лица к ним бежал, а мне за это ребра ломать будут! Да в следующий раз мимо дюжины трупов пройду, и пальцем не пошевелю ради торжества правосудия!

Он сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

– Пойдем, – сказал милиционер и толкнул в плечо своего коллегу. Тот, вяло сопротивляясь, еще смотрел на склон, где за деревьями скрылся кудрявый наглец.

Глава 6. Побитый пес

Курга все слышал даже не заходя в гостиницу – так громко ругались между собой администратор и чернобородый молодой человек в светлом, под горло, свитере и короткой дубленке.

– Вы нам срываете мероприятие, понимаете? – кричал молодой мужчина с бородой. Он был маленького роста и узкоплечим, отчего его голова, отягченная внизу целинной бородой, казалась необычно крупной, как у лилипута.

– Еще раз повторяю, – нервно отвечала администратор гостиницы "Ковчег", – все номера заняты, а которые не заняты, те забронированы. За них уплачены деньги, понимаете?

Молодой человек взмахнул руками, повернулся к администратору спиной, словно хотел найти в пустом холле сочувствующих, сокрушенно покачал головой и снова повернулся к женщине:

– Так это для нас, наверное, их и забронировали! Кто забронировал, назовите фамилию?

– Иванов!

– Не может быть! – безапелляционно заявил он. – Не Иванов, а Войтенко! Войтенко должен был забронировать десять номеров две недели назад. Посмотрите, пожалуйста, заявки.

– Ищите! – коротко ответила женщина и кинула на стол папку. – Здесь все заявки за этот и прошлый год.

– И буду искать, – упрямо согласился молодой человек.

– Ищите-ищите!

Курга сидел на отполированном бревне, приспособленном под скамейку, и искоса наблюдал за входом в гостиницу. Он заметил, что у него от волнения начинают дрожать руки. "Хоть бы она его турнула скорее! – подумал он. – Какой непонятливый тип попался... Очень удобный момент, никого нет... Хоть бы он сейчас вышел! Хоть бы вышел, и тогда я подойду к нему, и этого никто не заметит..."

Бородатый с нескрываемой злостью перелистывал заявки, они шуршали в его пальцах и рвались.

– У нас юбилей! – отрывисто выкрикивал он, перелистывая заявки. – Пятнадцать лет со дня выпуска! Со всей страны приедут люди! У кого работа, у кого семья!

Администратор смотрела в окно и делала вид, что не слышит бородатого.

"Наверное, со стороны заметно, как я трясусь, – подумал Курга и стал рыскать по карманам в поисках пачки сигарет. – Надо взять себя в руки и успокоиться... Еще ничего не произошло. Еще никто, кроме этого Пирогова, не приехал. И вообще, с чего я взял, что она приедет? У бизнесменов почти не бывает свободного времени. Она могла не получить письма. Или срочно уехала в командировку. Да мало ли какие могут быть причины. И тогда все окажется напрасным... И что – мне станет легче? Неужели я вздохну с облегчением?"

– Ну? Где же заявка этого вашего Иванова? – снова всту-

пил в бой с администратором бородач.

– Он забронировал номера по телефону, – спокойно ответила женщина, уверенная в своей правоте.

– Что значит по телефону? – возмутился бородач. – Вот я, живой человек, стою перед вами с живыми деньгами, а для вас важнее телефонный звонок от какого-то Иванова?

– Не кричите. Он все оплатил такими же живыми деньгами.

– Интересно, как он это сделал при помощи телефона? Хотел бы я посмотреть на этот фокус!

– Я вызову милицию, если вы не перестанете скандалить.

"Это большая удача, – подумал Курга, – что мне удалось забронировать все свободные номера по телефону, и администраторша не знает меня в лицо. А то прятался бы сейчас в сугробах, как ледокол "Ленин".

Он почувствовал взгляд, обращенный к себе. Точнее, он так сам сказал себе: "Я чувствую ее взгляд". Медленно повернул голову, посмотрел на темные стекла ресторана, в которых отражались быстрые облака, шлифующие голубое небо. Рыжеволосая девушка в светло-травяном платье с белым передником стояла в гардеробной у самого стекла и, действительно, смотрела на него. Казалось, облака скользят по ней – снизу вверх, как клубы дыма, и пламя вот-вот вырвется из кладки дров и охватит ее, и она вспыхнет факелом и станет беззвучно корчиться в огне.

Курга кинул окурок на снег, затоптал его и перевел взгляд

на двери гостиницы. Бородатый уже не скандалил. Он выдохся, убедившись в полной бесперспективности силового решения вопроса. Теперь он разговаривал с администраторшей негромко и подобострастно, выясняя, есть ли шансы устроиться внизу, в поселке, а она, удовлетворившись его поражением, великодушно отвечала, что устроиться можно, но десять человек в один дом вряд ли кто возьмет. Бородатый загрустил и стал отчаливать от стола администраторши. Он стал казаться еще ниже от навалившейся на него неразрешимой проблемы. Бормоча что-то, он без энтузиазма двигался к выходу. Его глаза были настолько переполнены виной, что он стал напоминать побитого пса, которого строгий хозяин выгнал из дома.

"И вот теперь он вцепится в меня, как в спасательный круг," – подумал Курга и уже встал с бревна, чтобы пойти бородатому навстречу, как вдруг услышал гул автомобильного мотора. Нервы его были напряжены настолько, что он резко повернулся и быстро зашагал в противоположную сторону, даже не поняв толком, чего именно он испугался.

Глава 7. Ирка

Ирину укачало, и она уже собралась просить телохранителя Лешу, чтобы он остановил машину, как на последнем подъеме словно из-под земли стал вырастать большой бревенчатый дом под мощной треугольной крышей, усыпанный чешуйками мансардных окон. Сначала она увидела балконы второго этажа, затем первый этаж, сугробы вдоль расчищенных дорожек, фонарные столбы, оригинальные скамейки из полированных бревен и подпирающий скалу уютный маленький ресторан. Вокруг, на заснеженных склонах, безмолвствовал дремучий лес.

– Приехали, что ли? – с облегчением произнесла Ирина и машинально потянулась за зеркальцем. – Подожди, не гони...

Она поправила прическу, устранила только ей заметные недостатки, стряхнула что-то невидимое с лацканов своего огненно-красного костюма и прильнула к стеклу.

Черная машина медленно и бесшумно объехала гостиницу. Со скрипом прессуя широкими колесами снег, она подкатила к входу, где с открытым ртом стоял бородач.

– Боже, это Пирогов! – воскликнула Ирина и хлопнула в ладоши. – Борода! А все остальное прежнее...

Она повернулась и посмотрела в другое окно, но поблизости больше никого не было. "Наверное, все уже собрались

в фойе, – подумала она. – Это плохо. Было бы лучше, если бы все увидели, как я выхожу из машины..."

Телохранитель неторопливо, но со смыслом в каждом движении обошел капот, дышащий жаром, встал к машине боком и открыл дверь.

Ирина выставила на снег ноги в бархатных туфлях с золотыми застежками и кинула короткий взгляд на лицо Пирогова, которое с каждым мгновением становилось все более счастливым. Телохранитель уже держал наготове короткую норковую шубку. Ирина вышла из машины, натягивая на руки тонкие перчатки из белой кожи. По-прежнему делая вид, что не узнает одноклассника, она подставила плечи шубке, затем стала нарочито долго поправлять ее на себе, чтобы великолепный мех поиграл всеми оттенками в солнечных лучах. Она знала, что именно в эти мгновения в черепной коробке Пирогова откладываются самые сильные впечатления, и не спешила, хотя Пирогов, эта беспросветная серость и заурядность, был не тем человеком, перед которым стоило показывать себя во всей красе.

– Ух ты! – наконец издал Пирогов, не скрывая, что он "в полном отпаде". – Ирка!..

Она сделала вид, что узнала его не сразу и не без труда: сначала посмотрела на Пирогова со сдержанным негодованием ("Кто это посмел обратиться ко мне столь фамильярно?!"), затем с любопытством ("Ну-ка, ну-ка, кто же это такой? Белкин? Вешний? Вацура?"), и только потом она "узна-

ла" его.

– Саша! – с усталой радостью произнесла она. – Я приняла тебя за метрдотеля. Богатым будешь...

– Твоя тачка? – спросил Пирогов, кивая на колеса "лексуса", и при этом лицо его все еще излучало беспредельный восторг. – Ну, это вообще...

– Боже, как у меня болит голова, – сказала Ирина, закатив глаза вверх и на секунду коснувшись ладонью виска. – Позови кого-нибудь из наших, пусть помогут занести вещи.

Она уже хорошо вошла в образ и с нетерпением поглядывала на двери гостиницы. "Где же он? Хоть бы из любопытства вышел, чтобы узнать, кто приехал."

– Давай я помогу! – согласился Пирогов. – Хотя... пока заносить некуда. Тут одна хренотень приключилась...

– Где-то у меня был аспирин, – не слушая Пирогова, произнесла Ирина и повернулась к машине. Телохранитель, зная особенности поведения своей хозяйки, не пытался ей прислуживать, а продолжал истуканом стоять перед машиной, с профессиональной подозрительностью оглядываясь вокруг.

Ирина села на кожаный диван и потянулась к саквояжу.

– Ах, и запить нечем! – притворно воскликнула она, хотя в баре стояло несколько бутылок колы. – Саш, если тебе не в тягость, сбегай за минералочкой. И заодно прихвати ящик шампанского.

И она, не вставая, протянула ему стодолларовую купюру. Но это уже был выстрел из пушки по воробьям. Пирогов и

без купюры давно пребывал в восторженном шоке. Взяв баксы из рук женщины, с которой он когда-то имел честь учиться в одном классе, Пирогов сделал полный вздох, безмолвно покачал головой, а потом развел руками.

Курга, прячась за деревьями, наблюдал за этой сценой. "Все-таки приехала!" – подумал он и почувствовал, как страх, который только что с легкостью гасил его волю, бесследно исчез, а на его месте стала вскипать безудержная ненависть. Вот она, эта роскошная женщина, которая существовала как бы в ином мире, в ином измерении, на недостижимой для него высоте – вот она, всего в каких-нибудь ста шагах от него. К ней можно приблизиться, услышать ее голос, уловить запах ее духов. Это о ней он столько думал, когда остался без квартиры, без денег, погрязший в долгах; это ее факсимильная подпись стояла на банкнотах акций, которые в одночасье превратились в бумажки, и которые он в ярости рвал в клочья; это ее имя он проклинал, когда лежал на нарах в душном бараке...

Глава 8. Кто шагает дружно в ряд?

Земцов еще издали увидел шумную группу людей у входа в гостиницу. Первым он узнал Андрея Вешнего – по росту и светлым кудряшкам на голове. Втянув голову в плечи, он прыгал на месте от холода и поочередно подносил ко рту то сигарету, то откупоренную бутылку шампанского. Рядом с ним, сунув руки в карманы шубы, стояла Ирина Гончарова. Федя Белкин со свекольно-бурым лицом размахивал рукой с пластиковым стаканчиком и сиплым голосом пытался привлечь внимание одноклассников, но его никто не слушал. Бородатый Пирогов крутился вокруг группы с бутылкой шампанского, выискивая, кому бы еще подлить. Темноволосая и, как прежде, худенькая Люда в белом лыжном комбинезоне заметила Земцова первой, звонко крикнула "Сережка ползет!" и, раскинув руки в стороны, побежала ему навстречу.

"А Ириша меня как бы не замечает," – успел заметить и подумать Земцов до того, как Люда с разбегу кинулась ему на шею и, обдав запахом горького парфюма и шампанского, мокро поцеловала его в губы.

– Штрафную ему! – крикнула она, на секунду повернувшись к группе, и снова схватила за воротник Земцова, близко рассматривая его лицо. – Какой мужчинка! А загар! А мужественные морщины! А седина в висках! Упасть и не встать!..

"Морщины могла бы и не заметить," – подумал Земцов.

Он, следуя манерам, которые сама же Люда и установила, обнял ее правой рукой (под левой находился пистолет) и, рассыпая невнятные комплименты, пошел к группе. Пирогов уже наполнял для него пластиковый стаканчик, и пена переливалась через край. "К нам приехал, к нам приехал Сергей Игоревич дорогой!" – невероятно фальшиво пел Белкин, глядя на Земцова маленькими подслеповатыми глазками, в уголках которых скопилась белая слизь. Андрей Вешний, закрыв пальцем горловину бутылки, яростно тряс ее, потом перевернул горлышком вниз и направил в сторону Земцова и Люды дробящуюся на брызги струю. Ирина, сдержанно улыбаясь, приблизилась к своей машине, и телохранитель с безупречной тактичностью открыл перед ней дверь.

Белкин кинулся обнимать Земцова, и Земцов уловил идущий от него запах тяжелого перегара.

– Дружище! – возбужденно орал Белкин, хлопая Земцова по спине. – Как давно я тебя не видел!

Пирогов протянул Земцову руку для взаимного пожатия, но его оттолкнул подскочивший Андрей. В расстегнутой куртке, с нелепо намотанным на шею шарфом, он схватил Земцова за уши, притянул к себе его голову и громко поцеловал в лоб.

– Ах, Зема, Зема! Люблю я тебя, сукиного сына, несмотря ни на что...

Пирогов все-таки доставил Земцову стакан с шампан-

ским. Тот, сказав банальное "За встречу!", выпил и только потом покосился на Ирину. Гончарова, конечно, слишком переигрывала, продолжая не замечать Земцова. В последний момент она решила сменить декорации, села на заднее сидение автомобиля, выставив ноги наружу, и занялась сотовым телефоном.

– Здравствуй, Ира, – сказал Земцов, приблизившись к женщине, и подумал: "Надо же, какая крутая стала!"

– Ой, привет! – ответила Ирина, будто и впрямь увидела Земцова только что и, прижав трубку мобильного к уху, подала ему знак рукой, мол, прости, надо поговорить.

– Кого еще ждем? Где великий комбинатор Войтенко? – громко, нараспев, говорила хмельная Люда. – Где Вацура?

– Господа, господа! Тут одна хренотень приключилась... – попытался разъяснить ситуацию Пирогов, но его по старой привычке никто не слушал.

– Хватит болтать, наливай! – краем рта сказал ему Андрей, сунул в рот сигарету и стал жевать фильтр. – Ты что это высокий такой стал? Раньше в пупок мне дышал, а теперь в грудь... Помнишь, как на выпускном вечере настучал Раисе, что я коньяк в сортире глушил? Думаешь, я забыл?

– Да ты что, Андрюха! – торопливо ответил Пирогов, зачем-то прикладывая к сердцу бутылку. – Я же с доброй иронией... С любовью!

– Ага, с любовью, – ответил Вешний, икнул и пошатнулся. – Ты знаешь о том, что Раиса после этого повесилась на

собственных колготках в кабинете химии?

Пирогов так сильно вытаращил глаза, что они стали существовать как бы сами по себе.

– Кто?! Наша классная?! Да я же ее месяц назад на бульваре видел!

– Правда? – с подозрением спросил Андрей, нахмурился и отобрал у Пирогова бутылку. – Твое счастье, что она жива осталась.

Земцов хотел отойти от машины, чтобы не мешать Ирине разговаривать, но она нечаянно уронила перьевой "паркер", которым собиралась что-то записать в блокноте. Он взглянул на ручку, потом на женщину, улыбнулся и склонился к ее ногам. Тут Ирина как бы невзначай наступила на ручку туфлей, вдавив ее в снег.

– Алло, девушка! Код Пекина, пожалуйста! – громко говорила Ирина. – Как? Восемьдесят шесть – десять?

Она легко толкнула туфлей Земцова в плечо и, не отрываясь от трубки, пальцем показала ему, чтобы он записал номер на снегу.

– И еще код Нью-Йорка... После десяти... да-да, записываю... один – двести двенадцать... Спасибо!

– Да тише вы! – крикнул Пирогов на Белкина и Вешнего, которые, обнявшись, начали горланить пионерскую речевку. – Человеку в Нью-Йорк позвонить надо!

Земцов выковырял из-под снега авторучку. Колпачок треснул, под ним блеснуло золотое перо.

– Что там? – отрывисто спрашивала Ирина у далекого китайского абонента и тотчас повторяла его ответ: – Готовится массовый выброс? Сколько штук?.. Не меньше миллиона?.. По шестнадцать мегабайт?.. Вот как, еще и материнские платы?..

– Кто шагает дружно в ряд? – орал Вешний, пригубливая бутылку.

– Пионерский наш отряд! – отзывался Белкин, шлепая растоптанными туфлями по снежной кашнице.

– Сильные, умелые...

– Беспредельно смелые!

– Алло, Герман? – повысила голос Ирина, кидая гневные взгляды на развеселившихся одноклассников. – Как прошли торги?.. На прежнем уровне? Прекрасно! Немедленно начинай продавать. Постарайся по восемь долларов шестьдесят центов. Скидывай цену в разумных пределах, но делай все очень быстро! Через неделю эти акции можно будет повесить на гвоздик...

"Как она старается!" – подумал Земцов и положил ручку Ирине на колени. Но она не дала ему отойти. Продолжая разговаривать, она отрицательно покачала головой, взяла его за руку и показала на переднее сидение. Потом потянулась к боковой панели и раскрыла бар, заставленный яркими бутылками.

– Извини, – сказала она, закончив разговор и отключив аппарат. – Надо было срочно дать указание своему предста-

вителю в Нью-Йорке... Наливай, выпьем за встречу!

– Насколько я понял, ты преуспеваешь в бизнесе, – сказал Земцов, наполняя бокалы темным коньяком и по-прежнему легко и многозначительно улыбаясь.

Ирина, всецело погруженная в собственный имидж, не заметила фальши, вздохнула, махнула рукой и взяла бокал.

– О каком преуспевании сейчас можно говорить? – риторически произнесла она. – Сейчас в бизнесе, как в космонавтике: главное, вовремя избавиться от отработавшей ступени... А ты как? Кем работаешь? Наверняка успел сколотить себе крупное состояние, живешь в особняке, катаешься на "мерседесе", отдыхаешь на Мальдивах? Я даже не представляю, что такой баловень судьбы как ты может жить иначе.

Она говорила тоном, исключавшим какое бы то ни было возражение, и Земцов понял, что она нарочно подталкивает его ко лжи, чтобы потом наслаждаться его унижением, когда он станет прокalyваться на мелочах. И он ответил то ли шутя, то ли серьезно:

– Что ты, Ириша! Какой "мерседес", какие Мальдивы? Коммуналка в хрущевке, старый "москвич" и отдых на шести сотках рядом с городской мусорной свалкой.

Ирина, упустив поводок, рассмеялась, взяла Земцова за чуб и посмотрела на него своими темными глазами.

– Ах, Земцов, Земцов, ты такой же забавный, каким и был!.. Леша! – обратилась она к телохранителю. – Ты выпьешь с нами?

– Извините, Ирина Юрьевна, – ответил тот. – Не смею себе позволить. Дорога сами знаете какая.

– Познакомься, – предложила Ирина Земцову. – Это мой телохранитель Леша.

Вешний и Белкин изображали танец маленьких лебедей. Три прыжка влево, три прыжка вправо, и при этом орали пионерский девиз:

– Не можешь – поможем! Не хочешь – заставим! Позорить отряд не дадим!

– Уже уединились! – воскликнула Люда, увидев Земцова и Ирину, сидящих в машине с бокалами в руках. – Пьют что-то втихаря! Эй, все сюда! Тут что-то вкусненькое наливают!

Земцов встал и предложил Люде свое место. Та, поймав выразительный взгляд Ирины, отрицательно покачала головой.

– Что ты! Что ты! Нарушить ваше милое воркование? Ни за какие коврижки!

Земцов усадил ее насильно.

– Посиди, погрейся, – сказал он. – Тебе "Мартель" или "Примьем скотч виски"?

– Я и слов-то таких не знаю, Земцов! В краску вгоняешь простую советскую женщину!

Земцов дотянулся до бара и стал перебирать бутылки.

– Сухое вино... Нет, эту кислятину на морозе лучше не пить. А вот "Уйат хос" – штучка крепкая, но вонючая. Рекомендую простую русскую водочку... Да вот только я никак

не могу ее найти...

– Не могу понять, кого мы ждем? – вдруг нервно произнесла Ирина. – У меня уже ноги замерзли!

– Послушайте же меня! – сделал еще одну попытку обратиться на себя внимание Пирогов. – Эта гостиница отпадает! Надо искать другую! Такая вот хренотень приключилась...

Белкин и Вешний принялись было изображать внос знамени пионерской дружины, но до Вешнего вдруг дошел смысл слов Пирогова.

– Это еще какую другую? – возмутился он и подбоченил руки. – Ты, промокашка, на что нас толкаешь?

– Да это не я толкаю! – взмолился Пирогов, прижимая к груди руки. – Войтенко должен был забронировать десять номеров, а их почему-то забронировал какой-то Иванов.

– Тише! – прикрикнула Ирина на Земцова, который продолжал рекламировать напитки Люде. – Ничего не понимаю! Какой еще Иванов? Где наши номера?

"Похоже, что никто из них не знает, где сейчас Войтенко", – подумал Земцов. Он выпрямился, рассматривая на свет бутылку кокосового ликера. Чтобы успокоить себя окончательно, он спросил:

– Кстати, а где он сам? Кто-нибудь его видел?

– Я получила от него письмо, – ответила Люда.

– Я тоже, – выкрикнул Белкин и сунул руку в отвисший карман.

– Это и так понятно, – прервала Ирина начавшуюся было

перекличку. – Войтенко прислал каждому из нас письмо и, если не ошибаюсь, с одним и тем же текстом.

– Что касается меня, господа, – вставил Вешний, – то из этой гостиницы я никуда не пойду. У меня здесь назначена встреча... Эй, юное дарование! – обратился он к Пирогову. – Ты взялся все организовать?

– Почему я? – захлопал глазами Пирогов и на всякий случай попятился. – Я только разослал каждому из вас письма, потому что у Войтенко не было ваших адресов. И сюда приехал раньше всех по чистой случайности. Обратился к администраторше, а она мне сказала, что никакого Войтенко не знает, и все номера уже заняты.

"Раньше всех сюда приехал я", – подумал Белкин, но поправлять Пирогова не стал, иначе ему пришлось бы путано врать, объясняя, где он провел минувшую ночь. Не признаваться же, что он ночевал в котельне соседней турбазы.

Глава 9. Ей все это не нравится

– Организаторы! – едко усмехнулась Ирина. – Такой простой вопрос решить не смогли! Самой, что ли, пойти искать свободные номера?

Она повернулась к телохранителю.

– Леша! Сходи, узнай, в чем дело... Детский сад какой-то!

– Где же мы будем ночевать? – спросила Люда.

– Предлагаю построить в лесу шалаш! – сказал Белкин и пнул ногой картонную коробку из-под шаманского, дабы узнать, осталось ли там что-нибудь, или же выпивке наступили кранты.

– Надо дожидаться Войтенко, – изрек Пирогов, нагнав морщин на лоб. – Должно быть, он опаздывает.

– А что твой Войтенко сделает? – часто сплевывая под ноги, спросил Вешний. – Отыщет свободные номера? Или договорится с администраторшей, чтобы она разрешила нам занять диван в холле?

Из гостиницы вышел телохранитель. Покачивая массивной бритой головой, он приблизился к Ирине:

– Все номера заняты, – сказал он. – Заявки от Войтенко не поступало.

– О, господи! – вздохнула Ирина, закатила глаза и снова взялась за сотовый. – Ничего не могут... Какой у Войтенко номер телефона? Кто знает?

Земцов вопросительно взглянул на Пирогова.

– Наверное, ты должен знать, – подсказал он.

– У него нет телефона, – не задумываясь, ответил Пиров. – Я знаю только адрес, где он работает.

– Называй адрес, – сказала Ирина. – Сейчас я узнаю телефон.

– Ненецкий автономный округ, город Нарьян-Мар, шестой вахтовый поселок, – ответил Пиров. – Только искать номер телефона бесполезно. Связаться с зимовщиками можно только из Нарьян-Мара и только по радиостанции.

Ирина отключила телефон и, срывая раздражение, кинула его на сидение.

– Тогда ищите другую гостиницу! Не стойте, делайте что-нибудь! Организаторы хреновы...

Она поджала губы, закинула ногу на ногу и скрестила на груди руки.

– Налей мне чего-нибудь! – приказным тоном сказала она Земцову.

Никак не отреагировав на просьбу, Земцов подошел к Пирову и спросил:

– Значит, из этого шестого вахтового поселка он прислал тебе стопку писем для нас?

– Конечно, откуда же еще, – подтвердил Пиров. – Зимой он на вахте, а летом приезжает в Краснодар. Такая работа. – И уточнил: – Нефть качает.

– И на конверте стоял штамп Нарьян-Мара? – стара-

ясь не показаться излишне дотошным, спросил Земцов, одновременно с этим прикуривая у Вешнего.

– Да какой там штемпель! – махнул рукой Пирогов. – Если бы он это письмо по почте отправил, то я бы его только к лету получил. Он его с кем-то из своих нарочным отправил. Мне конверт прямо в ящик бросили.

– И что Войтенко тебе написал? – спросила Ирина.

– Да так, лабуда всякая... Что получил премиальные, что ему дали две недели отпуска, что он едет на большую и землю и хочет собрать одноклассников.

– Значит, отпуск ему не дали, – решила Люда. – Поторопился он с письмами, конечно.

– Поторопился! – повторила Ирина и сердито тряхнула головой. – У меня дел выше крыши, через неделю начнется обвал акций на компьютерном рынке, а я тут сижу и жду неизвестно чего!

– Так тебя здесь никто не держит, – негромко ответила Люда, посмотрела на Ирину, подмигнула ей и пригубила бокал.

– Милая моя, я сама разберусь, держат меня здесь или не держат, – ответила она, напрягая губы, словно стеснялась показать зубы.

Белкина, которого не развезло лишь благодаря морозу, потянуло на великодушные поступки. Убедившись, что в ящике из-под шампанского остались только опустошенные бутылки, он расстегнул на куртке молнию и вытащил из-за

пояса бутылку с жидкостью марганцового цвета.

– Друзья! – воскликнул он, ловко кусая жестяную пробку зубами. – Как я рад вас всех здесь видеть! Вы помните, как мы дружили! У нас был самый дружный класс... Давайте за нашу дружбу!

Он пошел по кругу, пытаясь наполнить стаканчики одноклассников. Люда сказала, что у нее еще есть коньяк. Ирина буркнула, что такую гадость она не пьет. Земцов отрицательно покачал головой. Пирогов обрадовался тосту и с готовностью разделить убеждения Белкина подставил стаканчик. Вешний, выхватив бутылку из руки Белкина, поднес ее к лицу и огласил:

– "Напиток крепкий "Молодежный", ТОО "Мышьядхим." Рекомендуются употреблять в холодном виде." Что ж ты, убежденный трезвенник, нагрел ее теплом своего ливера? Да за это тебя самого надо употребить в холодном виде!

– Да ладно тебе! – скривил лицо Белкин. – Хорошая вещь, я ее уже пробовал, утром башка не болит.

"Знать бы, что сейчас на уме у Ирины", – подумал Земцов.

– Чем больше я на тебя смотрю, – с аппетитом раскуривая сигарету сказал Людмиле Вешний, – тем больше ты мне нравишься. То, что надо. Экспансивная и целеустремленная натура. Раскованность в пределах морального кодекса строителя коммунизма. Умеренно выраженный социальный оптимизм. Типичный образ современной куртизанки. Годится! Я тебя беру!

– Куда ты меня берешь, зайчик? Если замуж, то я уже замужем.

– Нет, я беру тебя сниматься в моем фильме.

– Так и знала! – воскликнула Люда и хлопнула в ладоши. – Ты американский продюсер!

– Нет, я российский режиссер, – мрачным голосом поправил он.

– Тогда я согласна, – ответила Люда с придыхом, прикрыла глаза и изящно подала Вешнему ладонь. – Но сниматься буду исключительно в эротических сценах.

– А других там нет, – мрачным голосом известил Андрей и потянул Люду за руку, заставив ее встать с сидения. – Готовься, сегодня вечером проба.

– Какая тоска! – произнесла Ирина, когда она осталась с телохранителем наедине. – Больше всего я боялась разочароваться... Шашлыков, что ли, заказать?

За всей этой хмельной болтовней и суетой никто не заметил, откуда появился неприметный мужчина средних лет в спортивной шапочке, черной куртке с капюшоном, с серыми небритыми щеками.

– Извините, – сказал он, не зная, к кому конкретно обратиться. – Если не ошибаюсь, у вас проблема с гостиницей?

– У нас проблема с шампанским, – ответил Белкин.

– А вы кто? – прищурившись, спросил Вешний. – Вы хорошо подумали, прежде чем подойти к нам? Вы знаете, какими последствиями для вас может обернуться ваше любо-

пытство?

Кажется, мужчина в спортивной шапочке всерьез заинтересовал только Ирину.

– Что вы хотите нам предложить? – спросила она.

– Очень уютный дом, – торопливо стал объяснять незнакомец, повернувшись к Ирине. – Недалеко отсюда и недорого. Очень живописное место, уверяю вас. Рядом водопад, скала "Чертов палец"...

– Подожди, шеф, подожди! – перебил незнакомца Вешний. – Ты нам мозги не пудри своей живописью. Ты сначала с клиентурой разберись. Мы все сбежали из лепрозория, нам важно не нарушить экологическое равновесие и не допустить в районе эпидемии проказы...

– Не слушайте его! – уже беззлобно сказала Ирина и махнула рукой на Андрея. – Что это? Гостиница, частный дом?

– Охотничий приют, – пояснил незнакомец. – Обогрев камином, родниковая вода, есть кухня...

– А вы кто?

– Я арендатор, – ответил незнакомец, зачем-то кивнув головой. – Сейчас на правах хозяина.

– Нам на пару дней, – сказала Ирина и обвела взглядом группу, словно хотела спросить, нет ли возражений.

– Пожалуйста, пожалуйста, – немедленно согласился незнакомец. – Хоть на пару дней, хоть на неделю.

– Сделаем вот как, – решила Ирина и щелкнула пальцами, подводя итог разговору. – Садитесь в машину, показывайте,

куда ехать. Я посмотрю, и если мне понравится, тогда уже заберем группу.

Но незнакомец виновато пожал плечами и отрицательно покачал головой.

– Нет, на машине туда проехать невозможно. Во-первых, там заповедная зона, кругом лес, а во-вторых, единственная просека сейчас засыпана снегом – грейдер еще не работал.

Ирина переглянулась с телохранителем, а затем снова посмотрела на арендатора.

– Что ж получается? Туда пешком идти надо?

– Почему пешком? Я туристов на санях туда вожу.

– А сани лошадь потащит?

– Нет, – весьма приятно улыбнулся мужчина. – Не лошадь, а снегоход.

Некоторое время Ирина молчала, потом взялась за ручку двери и сказала:

– Мы подумаем.

– Конечно, конечно! – закивал мужчина.

Ирина захлопнула дверь. Телохранитель сразу повернулся к ней.

– Не нравится мне все это, Ирина Юрьевна, – сказал он.

– И мне не нравится...

Глава 10. Арендатор

"Мне сегодня везет," – думал Белкин, медленно и как бы случайно зайдя в дверь гостиницы. От холла, где сидела администраторша, его отделял узкий тамбур. Убедившись, что его никто не видит, Белкин вынул из рукава начатую бутылку напитка "Молодежного" и, быстро, в несколько глотков опорожнил ее. Вытерев губы рукавом, он беззвучно поставил бутылку в угол.

Настроение у него стремительно шло в гору. Перспектива поселиться на пару дней в охотничьем приюте оказалась намного более привлекательной, нежели маяться от скуки рядом с гостиницей в надежде на появление свободных мест. Конечно, в заповедной зоне вряд ли можно будет рассчитывать на ларек, торгующий спиртным, зато наверняка никто не станет проверять паспорта. А это для Белкина было немаловажным условием. Его паспорт остался в отделении милиции, куда он загремел после пьяной драки у винного магазина. Трезвея, он сутки просидел в "обезьяннике", потом его повели на допрос к следователю. Молодой и очень вежливый человек сначала поинтересовался, хорошо ли Белкин помнит детали вчерашней драки, а когда получил отрицательный ответ, сказал: "Вы подозреваетесь в нанесении тяжких телесных повреждений гражданину Аскарову." И тотчас взял с него подписку о невыезде.

Очутившись на свободе, Белкин сразу же направился к ближайшему гастроному, и только после двух бутылок пива до него дошло, что ему шьют дело за преступление, которое он не совершил. С того момента он у себя дома не появлялся. Он жил то у знакомых, то в деревне у дальней родственницы, давно выжившей из ума. Приходилось ему ночевать и в котельнях, и на железнодорожных станциях. Изредка он звонил матери, чтобы узнать, как часто приходят оперативники и повестки от следователя. Однажды мать сказала ему о письме от Войтенко. Несмотря на свое безрадостное положение, Белкин оптимизма не утратил и от халявной выпивки с закуской отказываться не стал.

Тем временем, пока он стоял в тамбуре и прислушивался к тому, как ласково всасывается в кровь напиток "Молодежный", Земцов выяснял у хозяина охотничьего приюта, сколько человек обслуживают этот объект, надежно ли он защищен от посягательств воров и есть ли там телефон.

– Что вы, какие вору! – вытирая струящийся по лбу пот, ответил хозяин. – Там совершенно дикие места. Телефона, к сожалению, там нет. А обслуживаю клиентов я: истопник, повар и слуга в одном лице.

– А где сани? – поинтересовался Земцов, так пристально рассматривая куртку хозяина, словно сани были спрятаны у него за пазухой.

– Надо подняться чуть выше, к просеке, – ответил хозяин и махнул рукой на лес.

Тут между ними втиснулся Вешний. Проливая из стаканчика какое-то пойло, он по-свойски опустил руку на плечо хозяина и приказал:

– Пей, а то убью!

Не ожидавший такой откровенной бесцеремонности хозяин не сразу нашелся, что ответить.

– Спасибо, я не пью.

Андрей посмотрел на Земцова, пытаясь определить, взбешен ли он ответом хозяина столь же сильно, и поднял стаканчик еще выше, почти к самому лицу хозяина.

– В лоб хочешь? – прямо спросил Андрей.

– Отстань от него, – заступился за трезвенника Земцов. – Ему сегодня надо быть в форме... Ну, что там притихла наша первая леди?

Он имел ввиду Ирину, которая сидела в наглухо закрытой машине. Но женщина вовсе не притихла. За тонированными стеклами нельзя было разглядеть, как она протянула теплохранителю телефонную трубку и сказала:

– Первое: сочинское лесничество. Просишь телефон управления Кавказского заповедника. Там интересуешься арендой охотничьего приюта в районе поселка Эсто-Садок. Если скажут, что в данный момент он занят, попросишь назвать фамилию нынешнего арендатора, чтобы, дескать, решить с ним вопрос о переуступке прав на аренду... Запомнил?

– Запомнил, Ирина Юрьевна.

Пока телохранитель занимался телефоном, Ирина курила и смотрела через стекло на то, как под воздействием выпитого шампанского ожили, засуетились, стали совершать нелепые и бессмысленные движения люди, с которыми она провела большую часть своего детства. Она думала о том, что жизнь этих людей напоминала выстрел дробью из ружья: сначала они были все вместе, одинаковые, в пионерских галстуках и школьной униформе, похожие друг на друга наивностью и чистотой помыслов. Выпуск, как выстрел, кинул их в долгий полет по жизни. И чем дольше они летели, тем сильнее рассеивались, дистанцируясь друг от друга; кто-то выбрал цель не по силам и, достигнув ее, расплющился; кто-то продолжает полет – бесцельный, бессмысленный, на исходе энергии...

– Готово! – отвлек Ирину от мыслей телохранитель. – Фамилия арендатора Курга. Зовут Иваном.

Ирина положила на колени черный плоский футляр с широкой лямкой, раскрыла молнию и вынула изящный ноут-бук, напоминающий большую пудреницу. Подняла экран, запустила загрузку, затем открыла файл под именем "Вкладчики". Пробежала пальцами по клавишам и стала ждать, пока машина проверит наличие заданной фамилии в своей гигантской памяти. Прошло несколько секунд. Ноут-бук пискнул, и на экране развернулся зеленый квадрат.

Ирина усмехнулась и откинулась на спинку сидения.

– Я как чувствовала, что он наш, – сказала она глухим го-

лосом, глядя на экран. – Курга Иван Георгиевич, год рождения тысяча девятьсот шестьдесят пятый. В девяносто шестом вложил в "Титан" тридцать пять тысяч долларов под семьсот процентов годовых.

Ирина запрокинула голову и, глядя в обшитый бежевой кожей потолок, произнесла:

– Он хотел ничего не делая через год получить двести сорок пять тысяч баксов. Двести десять тысяч чистой прибыли!

И она вдруг расхохоталась. Телохранитель, восприняв смех хозяйки как легкую истерику, поспешил подать ей стакан с колой, но Ирина, отведя его руку, отрицательно покачала головой:

– Не надо, Леша, не надо! Мне в самом деле смешно, когда я думаю о том, какие у нас безнадежно глупые люди.

Некоторое время они молчали.

– Вы думаете, он появился здесь не случайно? – спросил телохранитель.

– Леша! – менторским тоном произнесла Ирина. – У меня такая бешеная интуиция, что я порой боюсь саму себя.

– Почему же? По-моему, это очень хорошее качество – тонкая интуиция.

– А вдруг интуиция подскажет, что я скоро умру? – с жаром произнесла Ирина и схватила телохранителя за руку. – Представляешь, как я буду мучаться, ожидая прихода смерти?

– Типун вам на язык, Ирина Юрьевна! – покачал головой телохранитель. – Даже если интуиция вам что-то подскажет, то умереть я вам все равно не позволю.

– Ты правду говоришь? – ласково спросила Ирина, заглядывая в серые, спрятанные под тяжелыми надбровными дугами глаза телохранителя, а потом взяла его широкую ладонь и погладила. – Ты так любишь меня?

– Надо уматывать отсюда, вот что я вам скажу, – с плохо скрытой обеспокоенностью произнес телохранитель. – Даже если этот тип не вынашивает никаких планов относительно вас, то все равно лучше не испытывать судьбу и прислушаться к интуиции.

– Нет, – ответила Ирина сразу и покачала головой. – Нет, Леша, я не могу просто так уехать и не получить удовольствия. Один раз я уже наказала этого Кургу за жадность, и мне страшно хочется наказать его снова. Ты только посмотри, как он все продумал и подготовил, какую очаровательную сеточку сплел для меня. Наверное, полгода вынашивал план, как бы меня в нее заманить.

– А вы не преувеличиваете? – с сомнением спросил телохранитель. – Может, это простое совпадение, и человек в самом деле хочет устроить нас в охотничий приют? Разрешите мне, и я припру его к стене и выбью из него правду! Если он ни в чем не виновен, я извинюсь.

– Не хочу! – ответила Ирина и схватила Лешу за руку, словно опасаясь, что телохранитель вот-вот приведет угрозу

в исполнение. – Во-первых, я не думаю, что Курга признается в своих намерениях совершить криминал. А во-вторых, наверняка заявит в милицию. И мы, как дураки, будем объясняться перед участковым инспектором. Не надо мешать, пусть все идет своим чередом. Если Курга собирается сыграть со мной по-крупному, то я с удовольствием приму его вызов.

– Вы авантюристка, Ирина Юрьевна.

– Если бы я не была авантюристкой, милый мой, то мало чем отличалась бы от этих глупых людей, которые сейчас прыгают по снегу... Давай-ка для начала проверим этого Кургу на вшивость.

Она удобнее устроила ноут-бук на коленях и через пароль вышла на сервер отдела внутренних дел. Пароль менялся каждую неделю, но у Ирины был свой человек в информационном центре, имеющий доступ к серверу. Из этого компьютерного банка информации Ирина получала различные сведения о сотрудниках, которых она принимала на работу, а также о конкурентах и других интересующих ее лицах. В считанные минуты она могла узнать о любом человеке адрес его жительства, состав семьи, место работы, наличие судимости и состоит ли он на учете в психо-неврологическом диспансере.

– Очень хорошо, – произнесла Ирина, глядя на экран. – В девяносто седьмом году был осужден районным народным судом города Краснодара по статье сто шестьдесят один ча-

сти первой: вымогательство под угрозой уничтожения чужого имущества.

– Я помню это дело, – сказал Леша. – Это тот самый шизик, который терроризировал нашу кассиршу в пункте продажи акций.

– А-а-а! – протянул Ирина и кивнула головой. – Вспоминаю! Кажется, он грозился взорвать наш офис, если кассирша не вернет ему его деньги?

– Совершенно точно.

– Ну вот и встретились. Ты уже не сомневаешься, что этот Курга намерен опять затянуть старую песню о главном?.. Ладно, посмотрим, что у нас еще есть о нем...

Она стала щелкать пальцем по клавише, "перелистывая" виртуальные страницы.

– Получил два года лишения свободы. Наказание отбывал на зоне общего режима в Мордовии... Состав семьи: был женат, но в девяносто седьмом году развелся...

– Наверное, жена ушла, как его посадили в сизо, – предположил Леша.

– Очень может быть, очень может быть... Детей нет. Из ближайших родственников числится сестра Вера, семьдесят пятого года рождения, незамужняя... До девяносто шестого года проживала вместе с братом в двухкомнатной квартире по адресу... Так, квартира приватизирована, в девяносто шестом продана Кургой и его сестрой через риэлторскую фирму "Гарант".

– Все ясно, деньги от квартиры они вложили в наши акции, – сказал Леша, вскрывая упаковку с ментоловыми таблетками.

– Что ж этот Курга такой жадный? – произнесла Ирина, просматривая информацию о прежних местах работы Курги. – Продал квартиру, начал с сестрой бомжевать, и все ради личной корысти... До чего же ленивый у нас народ! Готов маму родную под проценты продать, лишь бы не работать!

– Будь моя воля, – признался Леша, – я вообще бы снял всякие обязательства банков перед вкладчиками. Пусть идиоты, которые хотят легко и быстро разбогатеть, продают квартиры, машины, дачи и вкладывают деньги под проценты. Чем больше таких идиотов мы пустим по миру, тем будет лучше для страны. Очищение генофонда, естественный отбор: быдло опускается на дно, а элита поднимается еще выше.

– А ты, оказывается, патриот, – с иронией в голосе сказала Ирина, выключила ноут-бук и спрятала его в футляр.

– В общем так, – произнесла она, глядя на Лешу, но как бы сквозь него. – Вызывай Марата, Глобуса и Джона. Расширитесь в лепешку, но найдите эту Веру! Не думаю, что она где-то далеко от братца. Я поеду с этими козлами (она кивнула на Белкина и Вешнего, которые боролись в сугробе) в охотничий приют.

– Ирина Юрьевна! – с возмущением произнес Леша.

– Молчи! – оборвала она его. – Внимательно слушай, что

я тебе говорю. Я буду звонить тебе через каждые два часа. Если вдруг не выйду на связь или же начну говорить тебе какую-нибудь ерунду про большую сумму денег, которую ты должен будешь привезти Курге – не спорь, соглашайся и немедленно прячь эту девку в какой-нибудь надежный подвал.

– Да, понимаю, – кивнул Леша.

– Пусть ребята ее как следует обработают, а потом сфотографируют в таком виде, чтобы у Курги не возникло никаких вопросов. Фотографию по факсу отправь мне на ноут-бук. Я покажу ее Курге, а потом начну вить из него веревку.

Ее глаза были полны предвкушения удовольствия.

– Рискованно, – наморщив лоб, сказал Леша. – Мы не знаем, насколько Курга дорожит сестрой. Может, она ему до фени?

– Брат и сестра, – со вздохом ответила Ирина. – Оба сироты, детдомовцы, росли вместе. У этого Курги никого больше нет, кроме сестры – ни жены, ни детей, ни родителей. Да он наверняка трясется над ней, как мать над ребенком...

– А братков зачем привлекать, Ирина Юрьевна? Вы меня обижаете. С девчонкой я уж как-нибудь сам справлюсь.

Ирина, не сводя взгляда с окна, медленно поднесла к губам сигарету. На фильтре остался след ее темно-вишневой помады.

– Курга и его сестра – это мелочь, две полудохлые мышки для забавы, – ответила она. – Меня больше интересует Зем-

цов. Никак не могу поставить его на колени... Ни тогда, в школе, ни сейчас. Но мое терпение лопнуло. Я заставлю его лизать себе сапоги.

И она, словно намеревалась осуществить свою угрозу немедленно, сняла туфли и надела сапожки. В большую сумку уложила саквояж с косметикой и бельем, ноут-бук, сотовый телефон, вечернее платье и теплый спортивный костюм.

Глава 11. Легкая ложь

Никто не заметил, как Земцов отошел от группы, приблизился к двери ресторана, прочитал расписание работы, а затем неторопливо, как бы гуляя в задумчивости, стал подниматься по заснеженному склону. Вскоре деревья закрыли коричневую крышу гостиницы, утихли возбужденные голоса одноклассников. Подъем закончился на неширокой просеке, где стоял снегоход с закрепленными на жестком буксире санями.

Земцов подошел к саням, на которых лежало утрамбованное сено, пощупал его в нескольких местах, потом осмотрел снегоход, проверил, много ли бензина в бачке и что лежит в нише под сидением.

Когда он спустился вниз, Ирина выясняла у Пирогова:

– Кто еще должен подъехать?

– Войтенко, Вацура... – перечислял Пирогов, но не настолько уверенным голосом, чтобы возбудить желание ждать этих людей.

– Оставь для них записку у администратора, чтобы добились до охотничьего приюта самостоятельно, – распорядилась Ирина. – А мы ждать больше не можем.

– Администраторы меняются каждый день, – негромко подсказал Курга Ирине. – Записка может затеряться. Лучше предупредить кого-нибудь из работников ресторана – они

работают бессменно.

– Предупреди, – кивнула Ирина на вопросительный взгляд Пирогова и, раскрывая бумажник, добавила: – И заодно закажи чего-нибудь вкусенького на праздничный ужин: копченой колбаски, жареных кур, шашлыков, водки, шампанского...

Несколько зеленых купюр мгновенно исчезли в руке Пирогова.

– Скидываемся? – спросил Земцов, приблизившись. – Сколько надо денег?

– Нисколько, – ответила Ирина. – Я угощаю.

– Я тебе помогу, – высказался добровольцем Белкин, и вместе с Пироговым пошел в ресторан.

"Лексус" беззвучно тронулся с места и стал медленно отчаливать. Ирина помахала машине рукой и перевела взгляд на Земцова.

– Возьми мою сумку, ладно?

Курга ходил кругами, кидая быстрые взгляды то на дверь ресторана, то на окна гостиницы.

– Темнеет, – сказал он Ирине.

– Долго ехать? – спросила она, не глядя ему в глаза.

– Минут двадцать.

Земцов, подняв сумку Ирины, спросил Кургу:

– Вещи уже можно нести к саням?

– Конечно! – ответил Курга и спохватился: – Давайте я вам помогу!

– Вот это, понимаю, сервис! – похвалил усердие хозяина Земцов, протягивая ему сумку.

– Не надо! – попыталась остановить его Ирина.

Он посмотрел на нее с удивлением, но сумку все-таки отдал.

– Я ее сама понесу! – громче повторила Ирина и даже схватила Земцова за рукав, но было поздно.

– Неси, неси! – крикнул Земцов Курге. – Она беспокоится, что доставляет тебе лишние хлопоты.

Курга, с пониманием кивнув, закинул на плечо лямки и стал быстро взбираться по склону.

Ирина испепеляющим взглядом смотрела на Земцова. Ноздри ее расширялись от частого глубокого дыхания.

– Ты почему не послушался меня?! – зашипела она. – У меня там, может быть, деньги лежат!

В ответ на грубость Земцов улыбнулся.

– Не переживай, все будет в целости и сохранности. Но неужели у тебя столько денег, что они могут поместиться только в сумке?

– Может быть! – не разжимая зубов ответила Ирина и отвернулась.

Ее настолько переполняла ненависть к Земцову, что она даже забыла про свою сумку и, конечно, не смотрела на хозяина, который медленно поднимался по склону.

Рыжая официантка сама вышла к Пирогову и Белкину в гардероб.

– Вы ищете комнату? – спросила она.

– Уже нашли! – быстро ответил Белкин. – У вас водка почему?

Пирогов, сбросив с себя ярмо организаторских проблем, почувствовал себя раскрепощенным и привлекательным.

– Не желаете ли прокатиться с нами в охотничий приют? – спросил он, глядя прямо перед собой, то есть на глубокий вырез на платье официантки, где грелся нательный крестик.

– А вы устроились в охотничьем приюте? – с некоторым сожалением сказала она и великодушно призналась: – Место очень хорошее. Вам обязательно понравится.

Пирогов и Белкин, не получив ответов на вопросы о водке, опять заговорили о своих проблемах, причем одновременно. Девушка растерянно улыбалась, глядя то на одного, то на другого.

Вешний сидел с Людой в обнимку на бревне, зажав между коленей ополовиненную бутылку шампанского, и о чем-то шептал ей на ухо. Люда то ли от щекотки, то ли по этическим соображениям пыталась отстраниться от него, но Андрей прижимал ее к себе еще крепче, на что Люда кокетливо ворчала:

– Прекрати издеваться над пожилой женщиной... Ой-е-ей, Андрюшенька, ты опоздал лет на пятнадцать... Между прочим, мой муж страшно ревнивый, к тому же он работает в страховой компании... А-у, мне больно!

Белкин, прежде чем вынести картонную коробку с водкой

и продуктами, вытащил одну бутылку и через дыру в кармане затолкал ее под подкладку пуховика. Пирогов, рассчитываясь с девушкой долларами, увидел в этом процессе некую двусмысленность, отчего испытал необыкновенный подъем настроения.

– У вас тут все такие привлекательные? – спрашивал он, вовсе не интересуясь ответом, сладко глядя на белоснежный фартук официантки. – А что, слабо вам прийти в охотничий приют после работы? За сколько, к примеру, баксов, вы бы согласились прийти?

Девушка не обижалась, смотрела на Пирогова сверху вниз и улыбалась, как взрослый человек улыбается безвинной детской шалости.

– Возьмите сдачу... К сожалению, рублями. Валюты у меня нет.

Белкин вынес коробку и опустил ее на снег рядом с Земцовым.

– Охраняй, а я за шампанским пошел!

Земцов, глянув на горлышки бутылок, торчащие из коробки, сделал нечто похожее, что и Белкин. Он вытащил из коробки бутылку водки, но прятать ее в карман не стал.

– Просьба к тебе, – сказал он Курге, который уже отнес сумку Ирины на сани и был готов взяться за коробку с провиантом. – Я недавно ангиной переболел, холодную водку пить боюсь. Согрей-ка одну бутылочку для меня.

– А как я ее согрею? – удивился Курга.

– Сейчас покажу, – усмехнулся Земцов. – Ну-ка, расстегни куртку!

– Это еще зачем? – с подозрением спросил Курга и попятился.

– Сейчас увидишь, – не раскрывая секрета, повторил Земцов и схватил хозяина за воротник. Курга покраснел пятнами, но сопротивляться не стал, когда Земцов начал бесцеремонно расстегивать его молнию.

За этой сценой наблюдала Ирина. "Что это Земцов его раздевает? – подумала она с неприятным изумлением. – Мозги от алкоголя поехали, что ли?"

– А теперь руки приподними! – скомандовал Земцов, окончательно расстегнув куртку хозяина. Тот, понимая, что может позволить себе немного по отношению к богатым клиентам, безропотно подчинился. Земцов завел руку с бутылкой за его спину и просунул бутылку ему под ремень.

– Понял, как водку греть надо? – спросил Земцов и, улыбаясь, похлопал совершенно растерявшегося хозяина по плечу. – Застегивайся, а то простудишься.

Он сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул, привлекая внимание стоящих поодаль Ирины, Белкина с коробкой шампанского в руках, Пирогова с тугими пакетами, наполненными хлебом, зеленью и нарезками в герметичных упаковках, и Люды с Андреем, которые сидели на бревне с красивыми и порозовевшими от незаметной борьбы лицами.

– Господа! Пора! Отчаливаем! – скомандовал Земцов и

махнул рукой в сторону склона.

– Есть! – ответил Пирогов, попытался щелкнуть каблуками, но поскользнулся и чуть не упал вместе с пакетами на снег.

Мимо него со спринтерской скоростью промчался Вешний, за ним, словно хвост, волочился конец шарфа.

– И мне место займи! – крикнула ему вдогон Люда.

– Интересно, а как я пойду по этим сугробам? – неизвестно к кому обращаясь, спросила Ирина и поджала губы.

Земцов круто повернулся к ней, быстро подошел, легко поднял женщину на руки и понес ее вслед за группой.

– Наконец, ты совершил мужской поступок, – сказала она, ничуть не возражая.

– Это не последний, – пообещал он.

– Неужели тебя хватит еще на один подвиг?

– Конечно. Я вытру твои слезы, когда ты будешь плакать.

Ирина рассмеялась:

– Увы, Земцов, ничего у тебя не получится! Я никогда не плачу.

– Конечно, – ворчала за спиной Белкина Люда. – Все остальные мужчины заняты коробками с выпивоном. Никто не поможет пожилой женщине вскарабкаться на гору.

Она шла последней и отставала от группы все больше. Ей было жарко, она расстегнула куртку. Изрядное количество шампанского, которое она выпила, утомило ее. Перед тем, как поставить ногу в сугроб, предвещающий подъем, она

обернулась и сразу увидела телохранителя Ирины. Рослый детина в длинном пальто стоял за стволом платана и думал, что его никто не видит. Для его широких плеч даже могучее дерево оказалось тонковатым.

"Очень кстати!" – подумала Люда и пошла к нему. Чем ближе она подходила, тем сильнее телохранитель делал вид, что не прячется, а просто любит природой, прислонившись к дереву.

– Вы меня извините, – сказала Люда и улыбнулась детине так старательно, чтобы он не смог отказать ей сразу. – Можно от вас позвонить? Мне срочно надо, а я совсем забыла...

"Можно от вас позвонить?" – мысленно повторил Леша и так же, мысленно, усмехнулся. Так могла сказать только женщина, причем молодая и привлекательная – нелепо составленный вопрос (будто гражданка заглянула в кабинет к мелкому чиновнику) плюс очаровательная улыбка заранее преуменьшали стоимость услуги. Он сунул руку в нагрудный карман, вынул оттуда мобильник и нажал на кнопку с символическим изображением телефонной трубки.

Люда позвонила мужу в офис – в это время он мог находиться только там.

– Анатоль, я добралась, – сказала она усталым голосом, мгновенно войдя в нужную роль. – Что тебе сказать? Бабуля, конечно, весьма плоха. Лежит, ничего не ест. Три дня как минимум я должна побыть с ней.

– Ты откуда звонишь? – спросил муж.

– Из райцентра. Здесь, на рыночной площади, новый вид услуг открыли. Ушлые ребята с мобильником. Минута разговора – три доллара. Пришлось воспользоваться, чтобы ты не волновался...

Она подняла глаза, чтобы взглядом извиниться перед телохранителем за ложь, которая ненароком задевала и его, но Леша отвернулся. Слушая низкий баритон, она думала, что по мобильному, местонахождение которого трудно выявить даже при помощи определителя номера, она может лгать легко и как угодно долго.

Она вернула трубку Леше и от стыда даже не поблагодарила его. Опустив глаза, Люда побежала к лесу, где за деревьями уже скрылись ее одноклассники.

Леша проводил ее взглядом, затем взглянул на дисплей трубки, где сохранился код и номер телефона, по которому звонила Люда, и переписал их в органайзер. Затем он нажал на клавишу памяти и приложил трубку к уху. Аппарат воспроизвел запись последних тридцати секунд разговора.

Глава 12. И стало тихо

Вешний лежал в изголовье саней, словно покойник, сложив руки на груди. Белкин, уже не пряча бутылку водки, пристроился с ним рядом, хотя Андрей предпочитал, чтобы вместо него была Люда, но она отстала где-то на подъеме. Ирина села с краю, свесив ноги. Она как следует укуталась, подняла воротник шубки и обняла одной рукой свою объемную сумку. Пирогов, дабы не потеряться среди своих высокорослых одноклассников, встал на колени, крепко ухватившись руками за продольные жерди. Земцов то ли ожидая Люду, то ли выбирая, где бы пристроиться, ходил вокруг саней с бессменной улыбкой, с которой пил шампанское, разговаривал с Ириной и тайно проверял сани.

"Самое трудное – это ждать начала, – думал Курга, оседлав снегоход и обернувшись. – А сейчас я спокоен. Потому что прекрасно знаю, что буду делать. И знаю, что у нас все получится. Эту пьяненькую компашку мы будем выживать, как половую тряпку. Хорошо, что телохранитель Ирины остался внизу. Если бы этот бугай поехал с ней – мне бы хана. А без него она – все равно, что кошка. Во всяком случае, оружия у нее в сумке нет.

Это везение, что здесь не оказалось нормальных мужиков, – думал он. – Этот рыжий в длинном шарфе, конечно, сорвиголова, но слишком влюблен в себя, чтобы лезть на ро-

жон и совершать необдуманные поступки. Грязный бомж, который все время вьется вокруг него – вообще пустое место, особенно если учесть его соседство с ящиком водки..."

Курга слез со снегохода и сделал вид, что проверяет надежность сцепки с санями.

"Бородач, конечно, мужик активный, и может совершить какую-нибудь глупость, чтобы вырасти в глазах одноклассников, но это будет в большей степени фарс, чем реальное сопротивление. Ну, с Земцовым все понятно. Впрочем, мне кажется, что он сейчас мучительно решает, кому отдать предпочтение – Люде или Ирине. Впереди ночь, как ни как..."

Люда подошла к саням в буквальном смысле высунув язык. Ее победа над склоном вызвала всеобщее ликование. Вверх полетела пробка от шампанского. Рассыпая воздушные поцелуи, Люда упала на руки Пирогова. На краю саней пристроился Земцов и махнул Курге рукой. Затарахтел мотор, и снегоход рванул по снежной целине, волоча за собой сани.

"Не надо торопиться, – думал Курга, стараясь на почтительном расстоянии объезжать кусты, чтобы ветками не посекло лица гостей. – Пусть они как следует расслабятся. И я окончательно свыкнусь с тем, что должен сделать... Вера говорит, что когда я волнуюсь, у меня глаза становятся круглыми, и тогда я напоминаю сову. Интересно, какие сейчас у меня глаза?"

Он прибавил скорости. Полозья саней стали с хрустом резать снежный наст. В воздух полетела мелкая снежная пудра. Гости закричали от восторга. На заструге сани так подкинуло, что Белкин едва не выпустил заветный ящик. Ирина, беспокоясь о целостности ноут-бука, положила сумку себе на колени. Вешний пытался подкурить, но сильный ветер задувал пламя зажигалки.

"Мы уже забрались в какие-то дебри, – думал Пирогов, глядя на темнеющий лес. – Вряд ли это понравится Гончаровой. Она такая изнеженная дама! Но ехать в охотничий приют предложил не я. Она сама этого захотела. Это все подтвердят."

"У меня всегда так, – глядя на параллельные следы от саней, напоминающие железную дорогу, думала Люда. – Сначала я что-то сделаю, а потом об этом жалею. Но если бы я сказала Анатолию правду, он ни за что не отпустил бы меня на эту встречу. Работа его испортила. Он ужасно подозрительный! И все время ждет, что со мной случится что-то. А мне так хочется хотя бы раз в год отдохнуть от дома и семьи..."

Снегоход тащил сани по огромной дуге, взбираясь все выше по пологому склону. Земцов поглядывал на солнце, которое уже коснулось края гор. "Курга нарочно закладывает петли, – подумал Земцов, – чтобы путь до охотничьего приюта всем показался намного большим, чем есть на самом деле. Однако, до темноты хотелось бы уже быть на месте."

Только он подумал это, как между стволов деревьев по-

казался высокий частокол из просмоленных сосновых стволов, из-за которого выглядывала крыша крепкой двухъярусной избы. Сбавив ход, Курга подъехал к мощным воротам, на которых висел амбарный замок, и заглушил мотор.

Стало необыкновенно тихо.

Глава 13. Дом посреди леса

– Здесь, наверное, волки стаями шастают? – предположил Вешний. Он взвалил на плечо сумку Ирины и первым зашел во двор.

– Заповедник, – уклончиво ответил Курга, притаптывая у ворот снег, чтобы пошире раскрыть створку. – Всякая живность водится.

– А я слышал, что в этих местах бродит медведь-людоед, – сказал Пирогов.

– Очень приятно! – отозвалась Люда, которая, как и Ирина, все еще сидела на санях, очарованная величием природы и тишиной. – Ты не мог об этом сказать внизу?

– Надо ухо держать востро, – посоветовал Белкин, хватаясь за ящик. – И приглядываться к следам.

– Следов тут тьма-тьмущая, – ответил Пирогов, глядя себе под ноги. – И птичьи, и заячьи.

– И человечесьи, – добавил Вешний, опуская сумку на снег. – Эй, шеф! Кто здесь топтался?

Курга, прекратив бороться со створкой, крепко застрявшей в снегу, пошел по сугробам к Вешнему.

– Где? – спросил он, глядя туда, куда показывал палец Вешнего. – Да это ж мои следы! Я утром в доме все печи протопил.

– Да? – исподлобья глядя на хозяина, недоверчиво протя-

нул Вешний. – А вот эти, поменьше, чьи?

– Да какая разница! – проворчал Белкин. Андрей мешал ему пронести во двор коробку, вдобавок отвлекал народ от подготовки к важному мероприятию.

– Не надо! – погрозил пальцем Вешний то ли Белкину, то ли Курге. – Это следы женских ножек. Меня на этом деле не проведешь. Эй, любитель нетрудовых доходов! Кто здесь бродил?

– Не знаю, – пожал плечами Курга, мельком взглянув на следы, и засуетился: – Прошу в дом! Я сейчас объясню, где что находится. Туалет с той стороны дома. Эта пристройка – кухня, за ней баня...

– Пойдем, – сказал Земцов Андрею и тронул его за плечо. – Посмотрим баню.

– Черт с ней, с баней! – взмахнул рукой Вешний. – Я хочу получить вразумительный ответ: кто здесь якшался? Я, между прочим, жду даму. Может быть, это она здесь скакала от холода?

Ирина, убедившись, что Земцов больше не решится взять ее на руки, осторожно поставила ноги на снег.

– Вы на ночь запираете ворота? – спросила она у Курги.

– Обязательно.

– Изнутри?

Курга настороженно посмотрел на женщину и не совсем уверенно ответил:

– Конечно. Если я запру снаружи, то как потом зайду

внутри?

– При помощи лестницы, – подсказала Ирина и, приподняв полы шубы, зашла во двор.

– Здесь нет лестницы, – вдогон ей ответил Курга, но Ирина скорее всего его уже не услышала.

Глава 14. Ключ от ворот

Несколько протрезвевшая от мороза и быстрой езды компания временно переключила внимание на дворовые постройки. Даже Белкин с любопытством заглянул в баню, провел рукой по стенам, обшитым плотно подогнанной вагонкой, заглянул в теплую парилку, в которой еще пряно пахло березовыми вениками, и подумал, что когда ему станет невозможно, здесь можно незаметно от других покемарить часик-другой.

Он вышел из бани, постоял на пороге, прислушиваясь к голосам одноклассников, доносившимся из-за дома и, убедившись, что в обозримом пространстве никого нет, вытащил из кармана бутылку. Высоко запрокинув голову, он сделал большой глоток, подержал ледяную водку во рту, чтобы согрелась, и проглотил. Потом поднес кулак к широко раскрытым ноздрям, и тут взгляд его упал на створку ворот, открытую настежь.

Ему стало неуютно. С того дня, как он пустился в бега, его непреодолимо потянуло в закрытые помещения, и он чувствовал себя в безопасности только при виде запертой двери и крепких стен.

Тем временем Вешний первым зашел в дом и опустил сумку Ирины посреди большой комнаты с камином, стены которой украшали чучела животных и птиц.

— Где мои апартаменты? — спросил он, обходя круглый обеденный стол и рассматривая голову кабана с загнутыми кверху клыками, пристроенную над зеркалом.

Следом за ним в комнату вошла Ирина и тотчас села на диван.

— Как я устала! — объявила она. — Который час? Сумку подай, пожалуйста!

Пирогов со снегом в бороде занес коробку с провиантом и поставил ее на стол.

— Нет худа без добра, — заметил он. — Здесь, по-моему, намного лучше, чем в гостинице. Если не ошибаетесь, я первый согласился сюда ехать.

— Саша, — голосом умирающей произнесла Ирина. — Спроси у хозяина, сколько мы ему должны. Я рассчитаюсь...

В дверях произошла короткая, но шумная борьба. Земцов не пропустил Люду вперед, и она, не потерпев такого неуважения, сунула ему за воротник куртки снежок. Раскрыв немой рот и втянув голову в плечи, Земцов несколько мгновений прислушивался к острым ощущениям, после чего с рычанием кинулся на Люду, одновременно пытаясь из-

влечь снежный шарик из-под рубашки.

Эта сцена не осталась для Ирины незамеченной. Она встала с дивана и, гулко ударяя каблуками по дощатому полу, стала ходить по комнате.

– Здесь холодно! – громко сказала она. – Где хозяин?

– Слушаю вас! – отозвался Курга, вовремя зашедший в комнату. Он держал в руках коробку с шампанским.

– Надо растопить камин! Это первое. Второе: где моя комната?

– Здесь всего две комнаты на втором этаже, – ответил Курга. – Одна мужская, другая женская.

Ирина круто повернулась на каблуках и с недоумением посмотрела на Кургу.

– Вот как? А почему вы сразу об этом не сказали? Я бы сюда не поехала... Надо же, всего две комнаты! Надеюсь, посуды у вас достаточно или тоже всего две тарелки – одна мужская, а другая женская?

– Тарелок достаточно, – ответил Курга и вышел на улицу.

– Я, например, могу спать в бане, – сказал Белкин, снимая пуховик и оставляя его на полу в прихожей.

– Правильно, – подтвердил Земцов, несколько порозовевший от борьбы с Людой. – А Андрей с Пироговым могут спать здесь, на этом диване.

– Что?! – вспыхнул Вешний. – Прошу не указывать, где мне спать. И вообще, я привык спать с женщиной, а не наоборот.

– Он просит триста долларов в сутки, – тихо сказал Пиро-

гов, приблизившись к Ирине. – Я уже подсчитал. Получается по пятьдесят баксов с носа. По-моему, это слишком круто...

– Земцов! – громко позвала Ирина, чтобы привлечь внимание всех. – Отдай хозяину шестьсот долларов за двое суток, я потом тебе верну, мне далеко за кошельком лезть.

– А почему Земцов? – простодушно спросила Люда,правляя прическу у зеркала под кабаньей головой. – Мы сейчас все скинемся.

– Не надо! – протяжно произнесла Ирина и покачала головой. – Я так решила. Пусть это будет моим подарком вам.

– Вот это широта души! – первым оценил щедрость одноклассницы Белкин. Когда он услышал про шестьсот долларов, то сразу поделил эту сумму на шесть человек и подумал: "Ни хрена себе! Да на такие бабки я месяц пить могу!"

– Хорошо, – согласился с предложением Ирины Земцов и сунул руку в нагрудный карман куртки. – Сколько это будет в рублях по курсу?

– А разве у тебя нет валюты? – скривилась Ирина. – Рубли, рубли... Я уже забыла, как они выглядят эти деревянные.

– Чего мы ждем? – не вытерпел Белкин и стал решительно раскурочивать крышку коробки с провиантом. – Где тут тарелки и стаканы?

– Я хочу немного отдохнуть, у меня разболелась голова, – проворчала Ирина. – Где эта женская комната, будь она неладна? Андрей! Проводи меня, пожалуйста! Да-да, и сумочку прихвати...

– Вот рюмки! – сказал Пирогов, кивая на антикварный буфет. – Я первый нашел!

– Без нас не начинать! – предупредил Вешний, взялся за сумку Ирины и первым стал подниматься по скрипучей деревянной лестнице.

– Начинайте, не ждите, – разрешила Ирина и мельком взглянула на Земцова.

Люда взялась сервировать стол, хотя валилась с ног от усталости. Наверное, из-за того, что с утра начала пить шампанское. Пирогов присел у камина, соображая, как разжечь огонь. Земцов ходил из угла в угол, поглядывая в зарешеченное темнеющее окно. Белкин задремал, сидя на диване и высоко запрокинув голову. Со второго этажа не доносилось ни звука.

Хлопнула входная дверь. В гостиную вошел Курга. Лицо его было растерянным.

– Я прошу прощения, – сказал он. – Кто-то из вас поспешил закрыть ворота на замок, а я еще не загнал снегоход во двор. Будьте добры, дайте мне на минуту ключ.

Глава 15. Ирина занята

Люда, не обратив внимания на слова Курги, продолжала резать курицу на крупные куски. Земцов молча вскинул брови и оглядел комнату, словно хотел спросить: "Кто это среди нас такой самовольный?" Пирогов, все еще сидя на корточках перед камином, не оборачиваясь сказал:

– Это не я.

– Толкни Белкина, – попросил его Земцов. – Может, у него ключ.

– Это Ирина закрыла, – уверенно сказала Люда.

– Почему ты так решила? – спросил Земцов.

Люда хотела ответить, что Гончарова среди всей компании более всего заинтересована в личной безопасности, а значит, в запертых воротах, но вовремя поняла, что не стоит заострять на этом внимание постороннего человека, и повела плечами.

– Мне так кажется... Тогда, может быть, у Андрея.

– Будет он воротами заниматься! – махнул рукой Земцов и, не дождавшись решительных действий от Пирогова, подошел к Белкину и потряс его за плечо. Белкин открыл глаза, посмотрел на Земцова дурным взглядом, зашевелился и за чем-то попытался встать.

– Ключ у тебя? – спросил Земцов.

– Какой ключ? – плохо соображая, переспросил Белкин.

– От ворот. Ты их закрывал?

– От каких ворот?

Курга терпеливо ждал. Снег на его ботинках быстро таял, и Курга уже стоял в лужице.

– Будь другом, – сказал Земцов, взглянув на Пирогова. – Поднимись наверх, спроси у Ирины и Андрея.

– Лучше ты сам сходи, – предложила Люда, облизывая пальцы, выпачканные в курином жире. Она сама не поняла, почему попросила подняться наверх Земцова. Может быть, подсознательно хотела, чтобы он переключил свое внимание на нее, убедившись, что Ирина уже занята?

Глава 16. Комплекс детства

Поднявшись на второй этаж, Вешний очутился в узком коридоре под скошенным потолком. Он толкнул ногой первую дверь, заглянул в комнату и решил оставить ее для мужской половины – там было штук шесть кроватей. Вторая комната, вплотную примыкавшая к торцевой стене, оказалась намного меньше. Вешний зашел в темноту и опустил сумку на пол. Тусклого света, идущего из коридора, было достаточно, чтобы разглядеть две аккуратно застеленные кровати, между которыми блестел полированной поверхностью журнальный столик, большой платяной шкаф да зашторенное маленькое окошко в форме полукруга, разделенного паутиной реек.

– Ты где? – услышал он тихий голос Ирины из коридора.

Не отвечая, Вешний быстро и бесшумно скинул ботинки, лег на кровать и замер. Через полуприкрытые веки он увидел, как Ирина встала в дверном проеме, всматриваясь в темноту, а затем несмело зашла в комнату. Она едва не споткнулась о сумку, подошла к кровати и склонилась над лицом Андрея.

– Эй, дружок! – позвала она. – Ты что, спать надумал?

Вешний не подавал признаков жизни до тех пор, пока Ирина не склонилась еще ниже. Тут он ловко ухватил ее за плечи и притянул к себе. Ирина, чтобы не выглядеть нелепо,

не стала сопротивляться и легла на него. Он, путаясь в ее волосах и меховом воротнике, стал целовать ее в шею. Ирина не удержалась и расхохоталась. Кровать жалобно заскрипела.

– Ты совсем пьян, – сказала она, когда Андрей начал задыхаться под ее шубой. Он уже не целовал Ирину, а крутил головой, отыскивая глоток свежего воздуха. – Давай-ка, вставай. Тебе надо выпить кофе.

– Но мы еще встретимся? – голосом, в котором трудно было заметить желание, спросил он.

– Обязательно, – пообещала Ирина, зажгла бра и скинула с себя шубу.

Андрей что-то промычал и поднялся с кровати. Едва он подошел к двери, как она взяла его за руку.

– Подожди, – тихо сказала она. – Я хочу тебе сказать... Точнее, попросить...

– Ну? – с готовностью ответил Вешний, но глаза все еще не поднимал – наверное, свет бра был слишком ярким. Чтобы не столь явно шататься, он оперся рукой о стену.

– Ты же помнишь – в школе Земцов был в меня влюблен...

– Да-а-а? – протянул Андрей, но скептицизм в его интонации получился слишком явным, и он даже закашлялся.

– А я его на дух не переношу, – как ни в чем не бывало, продолжала Ирина. – Но Земцов как слепой – подкатывает ко мне с какими-то глупыми намеками. Мальчишка!

Андрей с пониманием кивал головой.

– Я тебя прошу, – ласково сказала Ирина и взяла Андрея за руку. – Ты своим поведением как-то дай ему понять, что у него нет никаких перспектив, что он опоздал. Ладно?

Андрей молча развел руками, мол, какой базар!

– И еще, – произнесла Ирина, покусывая губы и теребя рукав куртки Андрея. – Я, конечно, не подумала, сказала это сгоряча... В общем, я попросила его заплатить хозяину – мой кошелек лежал на самом дне сумки, надо было долго искать. А потом подумала, что Земцов такой гордый и упрямый, что наверняка откажется взять мои деньги. Это для него будет ударом по самолюбию.

– Еще каким! – подтвердил Андрей.

– А я не могу позволить, чтобы он расплатился за всех нас. Шестьсот долларов – слишком большие для него деньги. Меня потом совесть заест, понимаешь?

– Угу.

– Так что сделай доброе дело: незаметно опусти в карман его куртки этот конверт. Куртка, по-моему, висит в прихожей.

И Ирина вложила в руку Андрея пухлый сверток.

– Почему так много? – спросил Андрей, взвешивая сверток на ладони.

– Это не много, – усмехнулась Ирина. – В общем, так надо.

– Ноу проблем, – согласился Андрей, затакивая сверток в карман.

– А это тебе.

Она протянула ему плоскую коробочку стального цвета.

– Мне? Что это? – в первый раз по-настоящему удивился Андрей.

– Электробритва "Панасоник". Для сухого и влажного бритья.

Андрей выглядел обескураженным.

– С какой стати? – пробормотал он, открывая коробочку и рассматривая отливающие сталью бритвы. – Спасибо, конечно. Но... это, наверное, дорого стоит...

– Ерунда, – махнула рукой Ирина. – Я всем приготовила подарки... Ну, давай, иди!

И она с мягкой настойчивостью подтолкнула Андрея к двери. Выпроводив его, Ирина повернула в замке ключ, склонилась над сумкой и стала выкладывать на столик ноут-бук, сотовый телефон, саквояж. Она пыталась успокоиться, как часто делала, бесцельно перебирая знакомые и привычные вещи, но чувство гнева по-прежнему клокотало у нее в душе. "Негодяй! – думала она о Земцове. – Самовлюбленный дегенерат! Он опять вздумал издеваться надо мной, заигрывая с Людкой, с этой потрепанной куклой!"

Она подошла к зеркалу и внимательно рассмотрела свое лицо. Все-таки пора лечь под нож хирурга-косметолога. Без подтяжек никак не обойтись. Надо убрать намечающийся второй подбородок, сгладить мешки под глазами и немного подкорректировать нос. Говорят, прекрасные косметологи работают в швейцарском институте красоты.

Морщась от боли, она принялась расчесывать склеенные лаком волосы. Некогда аккуратные завитки на лбу потеряли форму и упругость и повисли перед глазами, как шерсть у болонки. Ирина, не сдержавшись, швырнула расческу в угол комнаты и легла на кровать. На ощупь взяла со столика пачку сигарет, закурила, глядя в бревенчатый потолок. Кажется, это он, Земцов, предложил ей покурить первый раз в жизни...

Они были святы в сравнении с сегодняшними школьниками. Может быть, так из поколения в поколение твердят зацикленные на догмах педагоги, но Ирина вспоминала свою юность, и ей хотелось плакать от жалости к себе. Девственности до двадцати лет, первый бокал шампанского – в девятнадцать, первая сигарета – перед выпускными экзаменами. И Земцов таким же был. Самый красивый мальчик в классе. Может быть, и во всей школе. Высокий, спортивный, с удивительно приятным голосом, не по возрасту начитанный, кандидат на золотую медаль. А какие родители! Его отец в ту пору работал в театре, мать – в "Интуристе". Картинка! Учителя по профессиональной привычке повторяли мифическую глупость менторским тоном: "Все девчонки из десятого "Б" сохнут по Сереже Земцову." И вовсе не все. Далеко не все. Потому что в то время сохнуть по Земцову было почти равносильно тому, как сегодня сохнуть по Леонардо ди Каприо. Земцов был недостижимой звездой, прекрасно знающий себе цену. Одноклассник он вообще не замечал. Хо-

дили слухи, что он общался с молодыми актрисами из драмтеатра, где его отец был главным режиссером.

Ирина тоже шла на золотую медаль, тоже училась легко, каждый год побеждая на математических олимпиадах, и тоже знала себе цену, хотя ее родители были не настолько богаты, как у Сергея. И как-то она сказала себе: Земцов должен быть моим. А мама, словно читая ее мысли, как-то обронила: "Главное, забеременеть от него." И Ирина стала ждать удобного случая.

Что случилось потом, Ирине было мучительно больно вспоминать. На выпускном балу она, наконец, решилась и предложила Сергею на время "исчезнуть" – сбегать к ней домой и попить кофе. Ее родители в ту ночь дежурили в школе – следили, чтобы выпускники не слишком много пили. Ирина оставила Сергея на кухне, а сама, дрожа от стыда и страха, зажгла свечи, разделась и легла в постель. Когда Сергею надоело ждать обещанного кофе, он зашел в комнату Ирины. Увидев свечи и одноклассницу в постели, он слегка смутился, но присутствия духа не утратил, подошел к кровати, сел на край и вдруг с нежной решимостью сорвал с нее простыню.

"Боже мой, Ириша! – воскликнул он. – Я и не думал, что ты такая пухленькая!"

Она думала, что сейчас умрет. Закусив до боли губу, она закрыла глаза, и не увидела, как Земцов встал с кровати и подошел к двери.

"Сколько тебе ложек сахара? – как ни в чем не бывало спросил он и добавил: – Впрочем, от сахара тебе лучше воздержаться."

Она не вставала с постели и не отвечала на его вопросы. Когда он ушел, у нее началась истерика. Через часа два, с трудом взяв в себя в руки, она вернулась в школу. Играла музыка, кажется, Макаревич пел про солнечный остров, который скрылся в тумане. Посреди спортивного зала, где были накрыты столы, в медленном танце качались пары. Земцов танцевал с Людой, его руки скользили по ее спине и мяли ее платье...

"Человеком всю жизнь управляют комплексы и обиды детства", – вспомнила Ирина фразу какого-то известного психиатра. Она встала с кровати, подошла к окну и выкинула в форточку окурков. Снизу доносились оживленные голоса, звон стаканов. Ирина взяла телефонную трубку и набрала номер телохранителя.

– Ну, что там? – тихим и усталым голосом спросила она.

– Я нашел сестру Курги. Она была в двух шагах от нас.

– Прекрасно. Что еще?

– Есть кое-что по вашей однокласснице Людмиле. Она звонила с моего телефона.

– Конкретно!

– Ее муж возглавляет страховую компанию средней паршивости. Не думаю, что он слишком богат и силен, но кое-какие деньжата и связи у него могут быть. Как бы он не при-

мчался сюда и не наломал дров.

– Она сказала ему про охотничий приют?

– К счастью, нет! Она обманула его. Соврала, что ухаживает за больной бабушкой в какой-то деревне.

– Очень хорошо, – безэмоциональным голосом ответила Ирина. – Отдыхай пока. До следующей связи...

Глава 17. Дробовик в промасленной тряпке

Курга опять начал волноваться и терять контроль над собой. "Спокойно! – мысленно повторял он, в который раз уже проглатывая таблетку валерьянки. – А то от страха я совсем потеряю рассудок и не смогу контролировать свои поступки?" Время бежало стремительно, а он все никак не мог решиться начать дело. Как приехали в охотничий приют, он мысленно установил предел: как все зайдут в дом, тогда он и начну. Гости зашли в дом, успели раздеться, выпить, а он ходил бесцельно по двору и грыз ногти. "Стемнеет – тогда и начну!" – твердо решил он, но и этот рубеж пришлось ему перенести на неопределенное время. И причиной тому стали запертые на замок ворота.

Снегоход и сани остались по ту сторону частокола. Курга при желании мог перелезть через ограду, но как он потом затащил бы снегоход во двор? А оставлять дорогостоящую машину, взятую им на прокат, без присмотра не хотелось. Мало ли кто припрется ночью к охотничьему приюту!

Проваливаясь в снег по колени, он подошел к забору и прильнул к щели между створок. В свете прожектора, закрепленного на стволе сосны, он хорошо видел снегоход. "Надо было хотя бы бензин слить, да аккумулятор снять,

чтобы не угнали", — с опозданием подумал он и, вздохнув, побрел на кухню, где на тлеющих сосновых шишках грелся большой медный самовар. Он раздул угли сапогом, заглянул под крышку и подбросил дров под плиту, накрытым толстым листовым железом.

Потом он взял нож и несильно ткнул баранью тушку, подвешенную на крюке. Белая рогатая голова закачалась на тонкой голой шее. Странно освеживали этого барана. Курга первый раз видел, чтобы мясники, содрав с тушки кожу и убрав потроха, оставили нетронутой голову. Зачем надо было оставлять эту глазастую гадость? Чтобы покупатель был уверен, что это баранина? Но разве можно баранью тушку спутать с чем-нибудь другим?

Он хотел заняться разделкой мяса, но вдруг почувствовал, как в груди волной накатила тошнота. Курга, прикрыв ладонью рот, быстро вышел на свежий воздух.

Когда он приблизился к кирпичной цилиндрической пристройке, примкнувшей к стене дома, ноги перестали слушаться его. Внутри этой трубы проходила пожарная винтовая лестница. По замыслу строителей, лестница должна была соединяться с коридорами второго этажа и мансарды, но сквозные ходы еще не выпилили, и винтовая лестница вела в никуда. Курга открыл электромагнитный замок, потянул на себя тяжелую металлическую дверь и зашел в темный коридор. Преодолевая слабость в ногах, он стал подниматься по ступеням, тяжело налегая на поручни. Лестница штопором

ввинчивалась в черноту, и Курга кружился по спирали.

На третьем обороте ему стало совсем дурно, к горлу подкатил комок. Он сел на ступеньку под тусклой лампочкой, висящей на голом проводе, и стал расстегивать молнию на вороте куртки. "Мне должно быть стыдно за свою слабость! – подумал он. – Я ведь мечтал ей отомстить! В самых сладких снах мне виделось, как я ее душу. И вот она здесь, за бревенчатой стеной, без охраны, вдали от цивилизации, среди пьяных одноклассников. Иди, бери ее, души ее, вытряхивай из нее свои деньги!"

Только злость могла изгнать из души раболепный страх. Курга стал вспоминать, как тяжело, в какой нищете он жил в двухкомнатной квартире с женой и сестрой Верой, как жена поставила ультиматум: если он хочет сохранить семью, Вера должна уйти. А куда ей, девчонки, идти? Она имела такие же права на эту квартиру, как и он сам. И тут жена подала идею: квартиру продать, деньги вложить в некое широко разрекламированное акционерное общество "Титаник" под семьсот процентов годовых. Взяли калькулятор, подсчитали и ахнули. Через год на полученные проценты они могли купить четыре подобных квартиры. Страшно, конечно, было. Но ведь повсюду говорили про честность и обязательность "Титаника". И сосед советовал, кипу своих акций показывал.

Все сделали быстро. Цену за квартиру не слишком заложили, и она через риэлторскую контору ушла слету. Курга самолично отнес тридцать пять тысяч баксов в "Титаник".

Веру пристроили в общежитие железнодорожного техникума, а Курга с женой сняли однокомнатную квартиру. И стали ждать.

Через полгода они услышали сенсационную новость: "Титаник" ограбили. Взломщики якобы вскрыли сейфы фирмы и вынесли все деньги вкладчиков. "Титаник" тотчас объявил себя банкротом. Местная милиция с ног сбилась в поисках грабителей. Поползли слухи о том, что генеральный директор "Титаника" Ирина Гончарова инсценировала это ограбление, чтобы прекратить выплаты по процентам.

Ее пытались привлечь к уголовной ответственности за мошенничество, но безрезультатно. Следственно-оперативная группа не смогла найти ни одного факта, который бы доказывал имитацию ограбления. У всех руководителей финансовой пирамиды было безупречное алиби. И Гончарова вела себя необычно: она не пыталась затаиться, исчезнуть или сбежать за рубеж. Напротив, местное телевидение едва ли не каждый день показывало, как Ирина Юрьевна обличает местное руководство МВД в бездеятельности, в коррупции, как она убеждала, что грабители подкупили городские власти, и милиция умышленно завела следствие в тупик.

Мало кто ей верил, но доказать, что Гончарова совершила грандиозную аферу, было невозможно. Несколько миллионов долларов бесследно исчезли. "Титаник" прекратил существование. Ирина Юрьевна пересела с роскошного "Мерседеса" на подержанную "девятку". По ТВ прошел репортаж

о жизни Гончаровой. Бывший генеральный директор акционерного общества поселилась в малогабаритной "хрущевке" с прогнившей сантехникой и облупленными потолками.

Тогда Курга понял, что он падает в пропасть с тысячами таких же легковых вкладчиков, как и он сам. С молвой начала распространяться страшная статистика: семь человек покончили собой, пятьдесят два вкладчика попали в реанимации с инфарктами, десятки семей остались без крыши над головой... Курга не сдавался, он пытался бороться. Создал "Союз обманутых вкладчиков", организовал несколько митингов, последний из которых дубинками разогнал омон. Отчаявшись, он сделал из старой спортивной шапочки маску, купил игрушечный пистолет и пошел в тот самый пункт по продаже акций "Титаника", куда полгода назад сдал свои деньги...

Когда он сидел на зоне, жена от него ушла. Как без него два года жила сестра Вера – он не знал и боялся даже думать об этом. А потом у него появился шанс вернуть свои деньги. И Курга понял, что еще не сломлен. Он готовился идти ва-банк...

Он встал, чувствуя, как страх отступает. Поднялся еще на десяток ступеней и остановился перед круглым отверстием в бревенчатой стене, забитым тряпками. Когда-то давно через это отверстие наружу выходила печная труба от "буржуйки". Позже в доме установили камин и печи-голландки, а дыра так и осталась.

Курга затаил дыхание, прислушиваясь к оживленным разговорам и смеху, которые доносились из гостиной через дыру. Один удар кулаком по тряпичной пробке – и он увидит красные лоснящиеся рожи. Он увидит ее, эту гадину, которую поклялся раздавить. И спокойным, твердым голосом поставит условие: или она отдает деньги вкладчиков, или же вечеринка превратится в кровавую оргию.

Курга отошел от дыры, приподнялся на цыпочки и снял с каменной ниши длинный предмет, завернутый в промасленную тряпку. Он развернул его и некоторое время внимательно рассматривал одноствольное ружье с потемневшим от старости прикладом.

Это был безобидный дробовик, с которым впору было охотиться разве что на уток, но Курга намеревался продемонстрировать гостям лишь кончик ствола, по которому невозможно определить убойную силу оружия.

Впрочем, дело было вовсе не в оружии. Будь у Курги "калашников", он все равно не стал бы им пользоваться.

Глава 18. Двое на кухне

Белкин вышел из жарко натопленного дома во двор покурить. Он подошел к беседке, сел на скамейку и принялся ковыряться в рваных карманах. Едва он поднес пламя зажигалки к сигарете, как хлопнула дверь дома, и на крыльце появился Земцов. "Тоже запарился", – подумал Белкин.

Он хотел позвать его, чтобы потрепаться с ним о жизни, но тут Земцов сослепу налетел на Кургу, который шел навстречу с дымящимся самоваром в руках, и едва не сбил его с ног.

– Прошу прощения, такая темень, – буркнул Земцов.

– Ничего-ничего! – поспешил откреститься от своих претензий хозяин. – Я вас случайно не ошпарил?

– Нет, я даже не коснулся самовара...

"Что это они топчутся друг перед другом и озираются, как собутыльники на Красной площади?" – подумал Белкин. Он свистнул и махнул Земцову рукой, но тот сделал вид, что не заметил одноклассника в темноте.

"А гордый какой стал! Не подступишься!"

– Очень кстати я вас встретил, – сказал Земцов Курге. – Скажите пожалуйста, а туалет только на улице?

– Увы, – развел руками Курга.

– Ничего страшного, в этом есть свои плюсы! – с каким-то скрытым смыслом сказал Земцов. – И еще вопрос: на ночь

дом запирается изнутри? То есть, я хочу спросить, кто его будет запирасть – мы или вы?

– Я ночью в служебном помещении, – скомкано ответил Курга и добавил: – Так что, запирайтесь сами, когда сочтете нужным.

– Это очень важно, – серьезным голосом подытожил Земцов. – Наши женщины напуганы слухами о медведе-убийце, который шатается где-то в этих лесах.

– Слухи, как всегда, несколько преувеличены, – заметил Курга. – Я не замечал поблизости медвежьих следов.

Земцов развел руками и вздохнул.

– Увы, мы обязаны предпринять все меры предосторожности, потому как ни пистолетов, ни ножей у нас нет. Вся надежда только на крепкие двери и на вас.

"Ну, насчет ножей он, конечно, врет", – подумал Белкин.

Курга, по-видимому, не ожидал столь высокой ответственности, возложенной на него, и неуверенно кивнул головой, словно хотел сказать: "Благодарю вас". Переступая с ноги на ногу он произнес:

– Пойду... самовар остывает.

– Да-да! – охотно позволил Земцов. – А я с вашего позволения посмотрю на звезды.

Они разошлись. Белкин снова свистнул, но на этот раз тихо и не столь звонко. Земцов обернулся. Курга, прежде чем скрыться за углом дома, тоже обернулся. Оба, как два дурака, тотчас попытались сделать вид, что вовсе не оборачива-

лись, а просто разминали шейные позвонки.

* * *

Земцову нужно было помещение со светом и надежной дверью. Одну руку он держал в кармане и ощупывал лежащий там бумажный сверток. Он обнаружил его недавно, минут двадцать назад. После третьего тоста "за школьную дружбу" Земцову захотелось курить, и он стал искать в карманах куртки зажигалку. Вытаскивать сверток при всех не стал, накинул куртку на плечи и незаметно вышел.

Перед тем, как зайти на кухню, он еще раз обернулся и посмотрел по сторонам. Полная луна поднималась над лесом, и частокол отбрасывал на фиолетовый снег черные тени. Над кронами деревьев возвышалась горная гряда с исполинскими цирками, кулуарами и ледниками; казалось, она сама источает холодный призрачный свет. Вдруг Земцов уловил едва различимый звук. Было похоже, что за частоколом, где-то рядом со снегоходом, кто-то ходит. Вот совершенно отчетливо скрипнул снег, затем едва заметно качнулись створки ворот... Земцов перестал дышать. Он медленно просунул руку под куртку и коснулся рукоятки пистолета.

Замерев, он стоял так минуту или две, не сводя взгляда с ворот. За домом скрипнула дверь, и этот звук показался Земцову пронзительным, отчего его нервы напряглись как тетива. Он бесшумно прыгнул к стене дома, в плотную тень,

и там, ставший невидимым, опустился на корточки.

Он услышал торопливые шаги и частое дыхание. На тропе появился Курга. Хозяин поминутно оглядывался. Приблизившись к тому месту, где несколько секунд назад стоял Земцов, Курга остановился и прислушался, глядя на ворота. Земцов отчетливо видел его лицо, освещенное лунным светом и потому бледное до синевы. В этот момент створки ворот снова качнулись, кто-то снова попытался их открыть.

Заметив это, Курга вдруг кинулся к кухне. Он забежал внутрь и захлопнул за собой дверь. Вспыхнул свет. Едва Земцов подошел ближе и спрятался за кирпичной трубой, Курга пулей вылетел из кухни и, увязая в глубоком снегу, побежал к воротам. Приблизившись к ним, он растворился в тени. Земцов перестал его видеть. Несколько мгновений стояла полная тишина. Затем ворота тихо скрипнули, и до Земцова донесся слабый шепот. Курга с кем-то разговаривал. По интонации было похоже, что он убеждал, о чем-то просил и уговаривал.

Вскоре опять все стихло. Земцов увидел, что Курга возвращается. Он шел по своим следам, и уже не торопился. Нагибаясь, он зачерпывал снег и растирал его в ладонях. Снова нагибался, и снова растирал. Когда он скрылся за дверями кухни, Земцов мысленно сосчитал до тридцати и зашел за ним следом.

Это была профессиональная привычка – выждать недолгую паузу, чтобы человек расслабился и почувствовал себя

в безопасности, а затем ворваться. Не войти, а именно ворваться, громко, шумно, решительно. Так Земцов десятки раз врывался "на плечах" наркокурьеров в притоны, в квартиры, где проходили сходки воров, в подпольные публичные дома, в кабинеты директоров универсамов, в подвалы и общежития. И он прекрасно знал магическую силу своего стремительного наступления, от которого расширялись зрачки преступников, и они начинали делать бессмысленные и сутелливые движения, пытаясь спрятать вещественные доказательства; от которого истошно визжали голые девицы; торопливо начинали оправдываться мелкие воришки и сутенеры; привычно становились лицом к стене бывалые бандиты.

И сейчас он вошел на кухню так, как привык это делать на службе. Курга с безумными от страха глазами отшатнулся к разделочному столу и, парализованный, замер, лишь его руки продолжали лихорадочно комкать грязное полотенце.

– В чем дело? – рявкнул Земцов, ровным счетом ничего не понимая, но делая вид, что ему все хорошо известно, и теперь он требует от Курги объяснений.

– Как... – пролепетал Курга. – В каком смысле?

– Что ты делал у ворот?! Что ты со мной в прятки играешь?!

– Ничего, – подал плечами Курга и вымученно улыбнулся. – Мне показалось...

– Что тебе показалось? Только не надо врать! Не надо!

Земцов продолжал приближаться. Широкоплечий, высо-

кий, весом в сто двадцать килограммов, он внушал хозяину ужас. Земцов знал – шок, вызванный его появлением, очень силен, но быстро проходит, и потому Курге нельзя было давать опомниться.

– Мне показалось...

– В чем у вас руки? Они выпачканы в крови!

– Нет-нет, вам показалось! – срывающимся голосом выкрикнул Курга.

Земцов вырвал из его рук полотенце, расправил его и поднес к свету. На нем отчетливо виднелись пятна крови.

– Что это значит?

– Я не понимаю, отчего вы так завелись! – начал все более осмысленно оправдываться Курга.

– Почему на твоих руках кровь?

– Какая кровь?.. Да нет же, руки чистые! – заверил Курга и показал Земцову розовые от снега ладони – с одной и с другой стороны, как это делают малыши в детских садах. – А полотенце могло быть выпачкано... Тут туристы часто разделяют мясо на шашлыки... и баранину на барбекю потрошат...

Земцов понял, что козырей у него нет, и ходить больше нечем. Это нередко случалось на задержании, когда не удавалось взять человека с поличным и найти улики. Но Земцов никогда не давал задний ход. Многозначительно улыбаясь, он пускал в лицо жертве сигаретный дым и обещал, что "все равно, ублюдок, расколешься." Затем отходил в сторо-

ну, уступая место подчиненным ему операм. Молодые крепкие ребята ударами в живот и по голове валили жертву на пол, надевали наручники и отправляли в ИВС². Не было случая, чтобы прогнозы Земцова не сбывались. Проходили сутки или двое, и задержанный подписывал "чистосердечное признание".

Но Земцов не мог ни ударить Кургу, ни надеть на него наручники. Он лишь скрипнул зубами и на всякий случай отошел к двери. "Не перегнуть бы палку, – подумал он. – А то совсем запугаю его и, глядишь, он раньше времени в штаны наложит... Достаточно для профилактики, чтобы не забывался."

– Мне показалось, – забормотал Курга, – что кто-то бродит около снегохода. Хотя это маловероятно, снегоходы пока в угонах не числятся, и все же не хотелось бы спровоцировать первый случай...

Он пытался шутить. Земцов стоял к нему спиной и грел руки над раскаленной плитой. "Все не так просто, как мне казалось. Этот замухрышка не так откровенен со мной, как бы мне этого хотелось. Что-то он от меня скрывает."

Он боялся ошибиться в главном, боялся, что Курга откажется от задуманного или же выкинет такой финт, какой Земцов не может даже предположить. Этот худой с изможденным лицом человечешка возраста от двадцати пяти до сорока пяти был нужен ему лишь как провокатор, как охот-

² Изолятор временного содержания.

ничий пес, гонящий волчицу на засаду. Земцов чувствовал близость развязки. Он верил в то, что волчица уже заглотила приманку, наредила, выдала себя...

– Сахар просили принести, – бормотал Курга, постепенно приходя в себя после шока, вызванного появлением Земцова. Он все больше смелел, все увереннее оправдывал свое появление на кухне, но Земцов его уже не слушал и не видел. Опустив руку в карман, он сжимал упругий конверт и ждал, когда Курга выйдет.

– Ладно, вали отсюда, – примирительно произнес он. – Но смотри у меня! Не вздумай шалить!

И погрозил хозяину пальцем.

Глава 19. Как скучно вспоминать школу!

Ирина спустилась в гостиную в роскошном платье без рукавов из золотистого велюра, надетом под прозрачную тунику. Это платье замечательно скрывало ее округлые формы и очень ей шло. Пирогов, увидев ее, сказал "вах!" и сделал вид, что падает в обморок от восторга. Люда, оторвавшись от разделочной доски и ножа, тоже не сдержала эмоций:

– Какая прелесть! Я такое же платье видела в каком-то фильме на Шерон Стоун.

– Вряд ли, – мягко возразила Ирина, спускаясь по лестнице, как по подиуму. – Это эксклюзивная модель, существует в единственном экземпляре. Но у меня дома есть модели покруче.

Она поискала глазами Земцова, но его в гостиной не оказалось. Ирина почувствовала легкое раздражение, какое испытывает разбалованный ребенок, который не получил обещанного сюрприза. Спустившись под восхищенными взглядами одноклассников, она продефилировала мимо стола в прихожую, повернулась на каблуках и пошла в обратном направлении.

– Хватит спать! – сказала она, походя ударив по щеке Белкина, который немедленно вскочил с кресла, вращая во все

стороны дурными глазами.

Остановившись возле стола, она придирчиво посмотрела на закуски в тарелках, на влажные, в каплях водки, рюмки и властным голосом спросила:

– Ну? И кто нальет мне водки?

Раньше Пирогова у стола оказался Вешний. Он протер рюмку полотенцем, наполнил ее до краев и осторожно, чтобы не расплескать, подал Ирине. Тут его взгляд встретился с ее вопросительным взглядом, и он незаметно кивнул, мол, конверт уже в кармане у Земцова.

– За вас, дорогие мои! – сказала она тост. – Я вас всех очень люблю!

Залпом выпила, поставила рюмку на стол, ахнула и, закусывая бутербродом с икрой, как бы мимоходом спросила:

– А где Земцов?

Никто не смог ответить ей вразумительно, где Земцов. В гостиную зашел Курга. Он положил рядом с самоваром пачку кускового сахара, спросил, что еще нужно, и бесшумно удалился.

– Я сейчас вспоминаю, как в восьмом классе мы ездили на дачу к Земцову, – сказала Люда, разделявая селедку. – Помните, как мальчишки чуть не спалили сортир? А как Земцов пытался подвесить Пирогова за ноги к яблоне, словно Буратино?

– А я об этом уже и забыла, – перебила ее Ирина и снова стала ходить вдоль стола. От движения невесомая туника

развевалась, что подчеркивало безупречное качество платья и его дороговизну. – Кстати, о даче. Именно по причине безопасности я построила свой загородный дом из кирпича. Три этажа – и все из кирпича. Крыша – испанская металлочерепица, бетонный подвал, гараж... Словом, никакого дерева.

– А я пока только проволокой свои шесть соток опутал, – связался в разговор Пирогов. Ему было неприятно, что Люда вспомнила о глупейшем эпизоде его детства и пытался увести разговор в другую область. – Председатель такой дурной попался, требует бабки на проведение электричества. Знаете, какую он сумму заломил?

Никого не интересовало, какую сумму заломил дурной председатель, включая и Белкина, который опять заснул. Ирина нервничала, ожидая появления Земцова, и думала, что скрывает свое состояние постоянным движением вокруг стола.

– Налей еще! – попросила она Вешнего и кинула маслинку в рот.

"Если он войдет и открыто заявит, что у него в кармане каким-то образом оказалась пачка долларов, – думала Ирина, – то это уже вызовет у всех недоумение и неприятные вопросы. То, что и требовалось доказать..."

– Ира, а у тебя сколько детей? – спросила Люда, украшая селедку зеленым луком. – Двое? Трое?

"Вот же сучка! Наверняка же знает, что детей у меня нет, и я вообще не замужем!"

– А у меня один спиногрыз, – за Ирину ответил Пирогов. – Такой клевый малый, только пишется часто. А мы с женой решили не мучить себя стиркой. Если колготки мокрые, то сразу их кидаем на батарею. Десять минут – и они сухие. И так их можно хоть сто раз использовать без всякой стирки. И порошок экономится, и время. Правда, запах в квартире плохой. Да мы с женой уже привыкли, не замечаем.

– У меня уже двое, – будто думая вслух, произнесла Люда. – Старший в третий класс ходит. Между прочим, в нашу школу.

– Ой, как же скучно вспоминать школу! – сказала Ирина. – Когда я была генеральным директором "Титаника", то хотела обеспечить все классы нашей школы компьютерами. Так сказать, отблагодарить наших бездарных учителей.

– Почему же не обеспечила? – спросила Люда, выставляя очередное блюдо на середину стола. – Мой Вовка сейчас бы на компьютере учился.

– А разве ты не знаешь, что случилось с моей фирмой? – удивилась Ирина и даже покачала головой, мол, стыдно не знать о том, что должны знать все. – Ее ограбили. Унесли несколько миллионов долларов.

Пирогов присвистнул и схватился за голову. Вешний, собаку съевший на лжи, недоверчиво взглянул на Ирину. Наткнувшись на ее взгляд, он с соболезнаванием покачал головой и макнул в соль пучок зелени. Люда никак не отреагировала. Она смотрела на вареные яйца и думала, как лучше

их приготовить – под майонезом или фаршировать икрой.

"Если Земцов не признается, что нашел сверток, – думала Ирина, поглядывая на входную дверь, – то я объявлю, что у меня пропали деньги, и потребую, чтобы все друг друга обыскали. Вечер, конечно, будет испорчен. Но это стоит зрелища, как Земцов станет оправдываться, лепетать, шлепать своими пухлыми губами и краснеть..."

Глава 20. Рыбка заглотила крючок

С виду это была обыкновенная авторучка. Но свинтив верхнюю часть, можно было обнаружить вмонтированное в дно трубки тридцатикратное увеличительное стекло. Земцову эту штуку подарили в день выпуска из юридического института, и он всегда носил ее с собой – что за сыщик без лупы!

Он убрал с разделочного стола огромный мясницкий топор, сел на табурет, развернул конверт и вынул из него стопку долларов, будто собирался готовить из них некое экзотическое блюдо. Сначала он пересчитал и бегло просмотрел все купюры. Тридцать штук, достоинством сто долларов каждая. Итого – три тысячи баксов. Ого-го!

Земцов усмехнулся, покачал головой и подумал: "Ну, Ирка! Ну, стерва! Что только не придумает, чтобы меня заарканить. И зачем я ей нужен?"

Тут ему в голову пришла мысль, что Ирина догадалась о его намерении выдавить из нее деньги вкладчиков, и сунула ему в карман банальную взятку. Он не стал размышлять, насколько эта мысль здравая, и принялся искать ответ на главный вопрос: есть ли в этой стопке меченые купюры, контролируемые экономической контрразведкой ФСБ.

Приставив к глазу лупу, он склонился над столом и стал просматривать купюры одну за другой. Несколько лет назад,

когда финансовая пирамида "Титаника" стала ворочать миллионами, ФСБ через подставное лицо внесло в фирму большое количество меченых долларов, чтобы проконтролировать движение финансов и уличить "Титаник" в мошенничестве. Но не успела довести дело до суда. Руководители "Титаника" неожиданно объявили об ограблении фирмы и своем банкротстве. Несколько сот тысяч долларов с метками ФСБ пропали. Это был самый позорный провал контрразведчиков за последние годы.

Земцов в то время служил в управлении по экономическим преступлениям МВД и был хорошо осведомлен о провале коллег из ФСБ. Он никому не рассказывал, что неуловимая Ирина Юрьевна Гончарова – это его одноклассница, которая в школьные годы не один раз пыталась взять штурмом его сердце. И, конечно, он никому не раскрывал своего плана, который вынашивал несколько лет.

У Земцова голова кружилась от той мысли, что он может раскрутить самое скандальное дело десятилетия. Если бы ему удалось доказать, что никакого ограбления "Титаника" не было, и деньги вкладчиков по-прежнему у генерального директора, то Земцов стремительно пошел бы вверх по служебной лестнице. Заветная должность начальника управления была бы ему обеспечена...

Он просмотрел около десяти купюр, и у него уже стали болеть глаза. И тут вдруг на очередной купюре он отчетливо разглядел метку: "КОНТРОЛИРУЕТСЯ ЭКОНОМИ-

ЧЕСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКОЙ ФСБ". Надпись была сделана на воротнике президента, и заметить ее без мощного увеличительного стекла было невозможно. Земцов отпрянул от стола, в необычайном возбуждении вскочил на ноги, ударил ладонью в ладонь. Заглотила крючок, рыбка! На подобную уловку в свое время попадались взяточники, контрабандисты, сутенеры, наркодельцы. Теперь вот пришла очередь Иришки.

Земцов от волнения заламывал пальцы рук, щелкая суставами. Теперь главное – не ошибиться. Надо действовать очень тонко и точно. Чтобы уличить Ирину в мошенничестве, нескольких меченых купюр не достаточно, она может сказать, что они попали к ней случайно. Надо любой ценой заставить ее "засветить" всю наличку, которую она прячет в каких-нибудь подпольных сейфах. Расчистить перед Кургой поле деятельности, чтобы ему ничто не мешало выполнить задуманное и вытряхнуть из Ирины деньги. Накричать на него, чтобы он стал смелее и решительнее. Если надо – открыто встать на его сторону и помочь ему. А потом задать ей в присутствии понятых и оперативников один простой вопрос: как так получилось, что деньги, похищенные грабителями из "Титаника", оказались у нее на руках?

Земцов снова склонился над столом, глядя в окуляр самодельного микроскопа. Вот еще одна меченая! Еще одна! Еще... У него не осталось никаких сомнений: ограбления "Титаника" не было.

Из тридцати купюр семь оказались мечеными. Земцов сложил их в отдельную стопку и задумался.

Глава 21. Монтировка в рукаве

Страх опять начал подкатывать к горлу тошнотворной волной. Курга оттягивал время, придумывая все новые и новые для этого причины. Надо подкинуть дровишек в печи на первом и втором этажах. Гостям должно быть тепло и уютно. Никто, кроме Ирины, ни в чем не виноват, и эти люди не должны страдать.

Он зашел в дровяной сарай, где терпко пахло сосновыми стружками, приблизился к кладке и стал нагружать дрова на руку. Но вдруг кинул их под ноги. Нет, не этим надо сейчас заниматься! Он стал ходить по сараю, ощупывая предметы, которые ему попадались. Нужна монтировка или небольшой лом, которым, в случае крайней необходимости, можно будет сорвать с ворот замок, распахнуть створку и впустить во двор чудовище. Оно уже бродит вокруг частокола, уже пробует на прочность ворота, уже ждет мяса...

Курга, обозлившись на самого себя, на свое малодушие, пнул ногой по дровяной кладке и сел на стружки. Это очень тяжело – играть в преступление. Он боится. Он не хочет угодить в ловушку и снова загреметь на нары. Время идет. Кто-то из гостей уже напился и спит. Кто-то еще вспоминает школьные годы. А Земцов не пьет, не ест и все следит за Кургой. Он в чем-то подозревает его? Может, он видел, чем Курга занимался у ворот? Ну и что? Какое ему дело до чу-

жого чудачества? В чем, собственно, криминал?

Впрочем, волнуйся, не волнуйся – изменить уже ничего нельзя. Курга сделал отчаянный шаг и встал на ледяную горку. Дальнейшее развитие событий от него уже мало зависело.

Он вдруг почувствовал отупляющее равнодушие к своей дальнейшей судьбе. Не задумываясь более о том, что его ждало впереди, он снял с пожарного щита монтировку и, сунув ее в рукав куртки, вышел из сарая.

Глава 22. Кровь на снегу

"С Ириной мне уже все ясно, – думал Земцов, упаковывая доллары в тот же конверт и укладывая его в тот же карман. – Теперь надо разобраться с Кургой. Он перестал мне нравиться – скрывает что-то, темнит. Не ведет ли он двойную игру?"

Он вышел из кухни, погасив за собой свет. Затем несколько минут неподвижно простоял на очищенной от снега дорожке, привыкая к темноте. Когда лунного света ему стало вполне достаточно, чтобы отчетливо видеть весь двор, пошел к воротам. Приблизившись к ним вплотную, Земцов потянул створки на себя, приоткрывая их насколько позволял замок, и посмотрел в образовавшуюся щель.

Снегоход и сани стояли на прежнем месте и были хорошо видны на прогалине, освещенной луной. Земцов опустил голову, чтобы рассмотреть следы, но мешала тень от частокола. Тогда он опустился на корточки и чиркнул зажигалкой.

То, что он увидел, заставило его присвистнуть. Говоря Курге про следы крови на полотенце, Земцов всего лишь брал его "на пушку". Это обвинение было совершенно нелепым, первым пришедшим на ум. Земцов применил его как средство для запугивания. Оказалось, он невольно попал в "десятку". Рядом с воротами темнело на снегу бурое жирное пятно. Кровь на снегу Земцов видел сотни раз – и при задер-

жании, и при выезде на место преступления. Ее он ни с чем не мог спутать.

"Черт возьми! – подумал он, оглядываясь. – Не замочил ли он кого-нибудь сгоряча?"

Он чиркал зажигалкой до тех пор, пока не обжег себе пальцы, но ничего любопытного больше не нашел. Тем не менее, его рука опять невольно потянулась к наплечной кобуре, где лежал заряженный пистолет.

Глава 23. Лиловый цветок

– Милые мои, – говорила Ирина, уютно сидя на большом стуле с резной спинкой, в которую была вставлена бархатная подушечка. – Я всего добилась трудом. Адским трудом. Сначала была аспиранткой, ютилась в коммуналке, потом торговала на рынке – да-да, не смейтесь, я действительно стояла за прилавком и продавала косметику. Вам трудно в это поверить, но я во всем себе отказывала, часто не могла позволить себе поесть досыта, по копейке собирала первоначальный капитал. А сколько раз на меня наезжал рэкет, сколько раз мне угрожали по телефону конкуренты!

Она покачала головой и поддела кончиком вилки маринованный шампиньон. Вешний, Пирогов и Белкин сидели по одну сторону стола, а Ирина и Люда – по другую. Место Земцова пустовало. Белкин добросовестно исполнял обязанности виночерпия. Пирогов пытался быть тамадой, но его никто не слушал.

– В довершении всего меня еще и ограбили, – продолжала Ирина историю своей нелегкой судьбы. – Все наличные деньги достались грабителям. Подкупленная милиция палец о палец не ударила, чтобы их разыскать.

– Наверное, бандиты поделились с милицией, – сказал Пирогов.

– Мне пришлось начинать с нуля, – продолжала Ирина,

оставив без внимания реплику Пирогова. – Квартира, машина и дача пошли на погашение долгов вкладчикам. В первую очередь я пыталась рассчитаться с пенсионерами, старушками, инвалидами.

– И как, рассчиталась? – спросила Люда.

– Милая моя! – повысила голос Ирина. – Их тысячи! Тысячи! А я одна!.. Да что это я все о себе да о себе? Пора послушать вас.

– Моя жизнь не такая интересная, как твоя, – сказала Люда, прижимая к губам салфетку. – Работаю в нашей школе учителем русского языка и литературы.

– М-да, – многозначительно произнесла Ирина. – В самом деле, интересного мало... Ну, а муж?

– Муж работает в страховой компании.

– Ух ты! – сказал Пирогов.

– Страховой агент – это, конечно, неплохо, – со снисходительной усмешкой оценила Ирина. – Но если судить по тому, как ты одета, зарабатывает он у тебя не слишком много.

– Ты права, – согласилась Люда.

– А я челноком мотаюсь в Турцию, – сказал Пирогов.

– Ты, Андрей, если не ошибаюсь, закончил ВГИК? – спросила Ирина, пропустив взглядом Пирогова.

– Мгм, – промычал Вешний, так как рот его был наполнен едой.

– Английским владеешь?

Вешний, энергично жуя, поднял глаза вверх, затем кив-

нул, после чего развел руки в стороны. В общем, понимать его ответ можно было как угодно.

– Прекрасно, – сказала Ирина. – Мы должны с тобой поговорить тет-а-тет. У меня есть к тебе деловое предложение.

Вешний, не ожидавший ничего подобного, закашлялся. Пирогов принялся колотить его кулаком по спине.

– Ириша! – воскликнул Пирогов. – Может, и ко мне у тебя есть предложение? Я даже уборщиком согласен в твоей фирме работать.

– Уборщиками, дорогой мой, – усмехнулась Ирина, – у меня работают кандидаты и доктора наук.

– А у меня есть предложение ко всем сразу! – попытался вмешаться Белкин, поднимая над головой бутылку. Он окинул плывущим взглядом стол, пытаясь отыскать пустые рюмки.

– А зачем твоим уборщикам ученая степень? – с наивным видом спросила Люда. – Чтобы мыть за тобой унитаз с использованием сложных технологий?

Пирогов хрюкнул от смеха, попытался прикрыть рот рукой, но, кажется, было поздно. Вешний мучительно долго проглатывал то, что не менее долго жевал, и потому никак не отреагировал на неприкрытую дерзость Люды. Белкин, бормоча что-то, налил только себе, так как все остальные рюмки были еще полны. Ирина, медленно положив вилку на тарелку, посмотрела на Люду в упор и, разделяя слова паузами, ответила:

– Ученая степень нужна для того, чтобы вести себя достойно в приличном обществе, милая моя.

Как раз в этот момент в гостиную с дровами под мышкой зашел Земцов и сразу заполнил собой возникшую паузу.

– Эй, народ! – крикнул он, с грохотом кидая дрова на пол. – Я забочусь о тепле, а вы тут водку жрете?

– Штрафную ему! – неизвестно чему обрадовался Белкин, и стол от его движений закачался и зазвенел посудой.

Ирина переключила внимание на Земцова. Она пыталась угадать по его глазам, обнаружил ли он у себя в кармане доллары, и что намерен делать дальше. Земцов залпом выпил поднесенную ему стопку и сел за стол, но не там, где ему была подготовлена тарелка, а на "женской" половине, рядом с Людой.

– Тебе оливье класть? – спросила Люда, приподнимая тяжелую салатницу.

– Клади!

– А грибы будешь?

– Грибы в первую очередь.

Тут вдруг засуетился Вешний. Он вскочил из-за стола, обежал вокруг него и встал за спиной Ирины. Теперь все салатницы и блюда из рук заботливой Люды переходили в руки не менее заботливого Андрея. Он самозабвенно наполнял тарелку Ирины. Даже намек о деловом предложении надо было отрабатывать.

– Так вот, – сказала Ирина таким тоном, будто рассказы-

вала какую-то историю, да Земцов своим появлением перебил. – После того, как мою фирму ограбили, мне всюду мерещатся грабители, воры и мошенники.

– Снаряд два раза в одну воронку не падает, – философски изрек Пирогов и потянулся к банке с вишневым вареньем.

– Не скажи! – возразила Ирина. – Деньги всегда притягивают нечистых на руку типов.

"Так вот она куда клонит! – подумал Земцов, вспомнив про деньги, которые лежали у него в кармане. – Ах, Иришка, Иришка!"

– Чтобы они не притягивали, от них надо вовремя избавляться, – предложил Белкин. – В связи с этим у меня есть тост...

– Да подожди ты со своим тостом! – махнула на него Ирина. – Вы еще не обратили внимание на то, какие у нас ужасные комнаты? Любую дверь можно открыть гвоздем.

– Правда? – изумился Земцов и привстал. – Пойду проверю.

"Все, – подумала Ирина, ликуя. – Ему теперь не отмыться."

Земцов, сохраняя на лице улыбку, стал медленно подниматься по лестнице. Ирина, покусывая зубную палочку, смотрела в свою тарелку, до краев наполненную закусками.

– Ты не составишь мне компанию? – спросил Земцов.

Ирина решила, что этот вопрос адресован ей, и уже придумала, как она откажется. Но когда подняла голову, то уви-

дела, что Земцов смотрит на Люду. "Вот же сволочь! – подумала она. – Это он нарочно делает, чтобы меня разозлить."

Люда охотно приняла предложение Земцова, тем более, что она еще не видела отведенной ей и Ирине комнаты, да и сидеть за столом надоело. Она встала легко и ловко, словно хотела показать одноклассникам, как мало она изменилась со школьных времен. От выпитой водки ей было весело, а джинсы позволяли высоко поднимать ноги, перешагивая через ступени.

"Все девочку из себя корчит, – подумала Ирина, усмехнулась и прикрыла глаза. Земцов, взглянув на Ирину, по-своему оценил ее состояние: "Она похожа на водородную бомбу. Сейчас взорвется." Белкин пошел вдоль стола, доливая в рюмки до краев. Пирогов с рыбьей косточкой в бороде загрузил над пустой тарелкой – все салатницы стояли рядом с Ириной, и он своими короткими руками не мог до них дотянуться, а снова просить об этом Вешнего ему было стыдно – дважды уже просил, но Вешний его не услышал. Все внимание, как и в школе, было сосредоточено на красавце Земцове, и сколько бы лет ни прошло, Пирогову не суждено было занять его место. Мало того: Пирогова словно отбросило назад, в прошлое, где снова окружили те же люди, привычно не замечающие его, и обрушилась та самая горечь обид, которая в детстве так сильно отравляла ему жизнь. И он понял, что в этой поганой компании он до глубокой старости будет самым мелким, самым слабым и не интересным. Во всяком

случае, пока будет жив Земцов.

Очутившись в коридоре второго этажа, Земцов без лишних слов прижал Люду к стене. Он был очень силен, и ей трудно, почти невозможно было сопротивляться. Из всех сил она упиралась ладонями ему в грудь и отворачивала лицо.

– Земцов! – шептала она. – Зайчик! Ну что ты делаешь?.. Где ж ты был раньше... Мне больно,пусти меня!

Слабое сопротивление Люды его развеселило. Земцов отпрянул назад и заглянул женщине в глаза.

– Разве я тебе не нравлюсь?

– Очень нравишься, золотой мой! – торопливо зашептала Люда. – Но ты какой-то тормозной... Раньше надо было на меня нападать, хотя бы в десятом классе. А теперь я пожилая женщина, у меня есть муж, и я его люблю.

– Любимый муж – это похвально, – с пониманием кивнул Земцов и опустил руки. – Но ты, дуреха, меня неправильно поняла.

– Правда? Какая радость, – бормотала Люда. – Только просвети меня, глупую, как тебя надо было понять?

– Не понимаешь?

– Нет, – честно призналась Люда. – Хоть убей...

– Тогда следи за моей рукой, – предложил Земцов и пощелкал пальцами, привлекая ее внимание. – Смотри: вот она приближается, приближается к твоей нежной шее...

Он вдруг схватил ее за воротник и рванул вниз. Кофта с

треском порвалась, по стене защелками пуговицы. Людмила опешила, схватилась за рваные края, закрывая лифчик.

– Земцов, ты с ума сошел? – прошептала она, глядя на него широко раскрытыми глазами. – Зачем вещь портить?

– Не понимаешь?

– Да иди ты!.. Много выпил, что ли?

Она прижимала рваные края к груди, будто надеялась, что они срastутся.

– Теперь следи за второй рукой, – прошептал Земцов.

– Пошел вон, – сказала Люда и пригрозила: – Я тебя сейчас ударю в глаз!

Но она не смогла даже оттолкнуть его от себя. Земцов легко склонил ее голову набок и впился губами в открытую шею. Люда молча боролась, но со стороны это было почти незаметно.

– Вот теперь хорошо, – сказал он, отступая на шаг назад и любясь лиловым пятном чуть выше ее ключицы.

– Дурак! – ответила Люда, уже не скрывая своего настроения и не боясь серьезно поссориться. – Дебил! Кровью харкать будешь за такие шуточки!

Она вытирала ладонью мокрую шею и едва сдерживала слезы, потому что ее угроза была пустым звуком: заступиться за нее было некому. Сама она не могла даже вклепить Земцову пощечину, потому что как он был значительно выше ее. Ставить в известность троих подвыпивших мужчин, сидящих на первом этаже, было смешно и нелепо. А пожаловать-

ся самому близкому и любимому человеку – мужу – Люда не могла, потому что уже обманула его и была вынуждена обманывать и дальше, объясняя появление на своей шее засоса и обстоятельства, при которых была порвана кофта.

Земцов словно знал обо всем этом, смотрел на нее и улыбался.

Глава 24. Нехорошая игра

Когда он спустился в гостиную, свет был потушен, и на столе горели свечи. Старомодный приемник с зеленым индикатором настройки и динамиком, обтянутым тканью, пытался из шипения и треска создать мелодию. Это получалось у него не слишком хорошо. Волна была упряма и покоряться старому приемнику не желала. Тем не менее Ирина и Вешний настойчиво изображали танец. Он держал ее руку в своей и, обнимая за талию, пытался вальсировать, но все время наступал Ирине на ноги. Ирина терпела, хотя и с отчаянием поглядывала на свои бархатные туфли.

Белкин грел в ладони рюмку, глядя через нее на пламя свечи и, казалось, что он спит с открытыми глазами. Пирогов прирос к своему стулу, за весь вечер ни разу не покинув его. Наверное, он был голоден и ждал удобного случая, чтобы наполнить тарелку.

– А где Люда? – спросил он Земцова.

Ситуация была достаточно двусмысленной, чего, собственно, и добивался Земцов, а правдивый ответ лишь прибавил двусмысленности.

– Она пока не может спуститься, – ответил Земцов, быстрыми шагами подходя к столу. – Впрочем, ее присутствие не обязательно. Предлагаю всем очень увлекательную игру.

Он стал перекладывать на край стола тарелки с закусками,

освобождая середину. Потом оперся о стол и одним сильным выдохом задул все свечи.

Комната погрузилась во мрак.

– Эй! – произнесла из темноты Ирина. – Это не смешно.

– Я сейчас зажгу свет, – предложил Вешний и тотчас что-то с грохотом упало на пол. Наверное, он задел стоящий рядом стул.

– А в чем заключается игра? – невнятным голосом спросил Пирогов. Похоже, что он дотянулся до закусок и стал наворачивать упущенное.

– Сейчас узнаете, – загадочным голосом произнес Земцов. – Наберитесь терпения.

– Не представляю, что можно делать в полной темноте, – призналась Ирина. В ее голосе угадывалось раздражение. Земцов вынудил ее замереть посреди темной комнаты в ожидании какой-нибудь дурацкой шутки. На всякий случай она стала водить перед собой руками, чтобы Земцов не смог приблизиться к ней неожиданно.

Вспыхнуло пламя зажигалки. Стали проявляться предметы и бронзовые лица. Земцов, держа зажигалку над головой, подошел к стене и зажег свет. Все посмотрели на стол. Посреди него, веером, лежали пять стодолларовых купюр.

Вешний многозначительно посмотрел на Ирину, словно хотел спросить: не те ли это купюры, которые мы подсунули Земцову? Ирина, почувствовав приближение схватки, села в кресло, закинула ногу на ногу, скрестила на груди руки. Бел-

кин склонился над купюрами, внимательно рассматривая их.

– Здесь кроется какой-то смысл, – пробормотал он.

– Фальшивые? – поинтересовался Пирогов, взбираясь на стул с ногами.

– Я думаю, что не фальшивые, – ответил Земцов. – А самые обыкновенные.

– Тогда в чем фокус?

– А фокус в том, что я предлагаю каждому из вас выбрать любую купюру и сосчитать сумму цифр, из которых состоит ее восьмизначный номер. Он на обратной стороне. У кого эта сумма окажется наибольшей, тот забирает купюру себе. Затем я добавлю недостающую, тасую и раскладываю заново. И начинаем по второму кругу.

– Это что, шутка? – не поверил Белкин, еще ниже склоняясь над купюрами. – Здесь какой-то подвох...

– Все номера состоят из нулей, – предположил Пирогов. – Значит, никто не выиграет.

– Выиграет, – заверил Земцов.

– Если потом ты скажешь, что наступила моя очередь выкладывать на стол свои деньги, то я не играю! – предупредил Пирогов.

– Нет, не скажу, – ответил Земцов. – Играем до тех пор, пока не закончится эта пачка.

И он показал всем пухлый конверт.

– А в честь чего такая щедрость? – с прежним сомнением произнес Белкин. – Тебе что, деньги девать некуда?

Вешний и Ирина хранили гробовое молчание.

– Смелее! – Земцов похлопал по плечу Пирогова.

Тот сделал недоуменное лицо, оглядел присутствующих и медленно потянулся к купюре.

– Прямо как на экзамене по химии, – пробормотал Пирогов. – Не знаешь, какой билет счастливый.

– А ты тоже играешь? – спросила Ирина Земцова.

– Я буду играть за Люду, – объяснил Земцов.

– Ну да, конечно! – кивнула и усмехнулась Ирина.

Пирогов, наконец, взял со стола купюру, поднес ее к глазам и принялся вслух складывать цифры:

– Один, восемь, девять, шесть, ноль... Двадцать восемь! – объявил он.

– Ребята, это розыгрыш, – решил Белкин и тоже потянулся за купюрой. – Не воспринимайте это всерьез... Лучше посмотрите на Земцова, какие у него плутовские глаза!

– Прошу! – Земцов пригласил к столу Вешнего.

Ирина покачивала ногой и покусывала губы. Ей не нравилась эта игра. Земцов, вопреки ее ожиданиям, вел себя слишком смело и вовсе не собирался утаивать деньги, которые нашел в своем кармане. Надо было торопиться, пока пачка не перекочевала в другой карман.

– Странно, – произнесла она. – А ты говорил, что долларов у тебя нет.

– Правильно, – подтвердил Земцов, не глядя на Ирину. – Тогда не было... Андрей, у тебя сколько?

– Сейчас, – сказал Вешний, морща лоб. – Пять, два, один, семь, ноль, ноль... И еще... Всего восемнадцать!

Он кинул купюру на стол.

– У меня тридцать! – без особой радости в голосе сказал Белкин.

– Каких тридцать?! – возмущенно поправил Пирогов, заглядывая Белкину через плечо. – Двадцать семь! Положь на стол!

– Ну да! – согласился Белкин. – Я шестерку за девятку принял.

– Где же ты их взял, хотела бы я знать? – вкрадчивым голосом спросила Ирина.

Земцов кивнул, мол, я принимаю твой вопрос, но с ответом торопиться не стал.

– Осталось сыграть за Люду, – сказал он и перевернул последнюю купюру.

Белкин и Пирогов принялись считать вслух.

– Три, один, один, ноль, четыре... Одиннадцать!

– Я выиграл, – то ли вопросительно, то ли утверждающе сказал Пирогов и покосился на Земцова. – А дальше что?

– Забирай! – как о само собой разумеющемся сказал Земцов и снова достал из кармана конверт. – Сыграем еще раз...

– Стоп! – перешла в атаку Ирина. – Мне это не нравится!

– Это очень подозрительно! – поддакнул Вешний.

– А что тебе не нравится? – с мягкой учтивостью поинтересовался Земцов.

– Я должна проверить свои деньги и убедиться, что они на месте!

"Вот ты и показала свое нутро! – подумал Земцов. – Теперь у меня есть полное моральное право раздавить тебя как сколопендру."

Он уже с трудом владел собой. Желание загнать Ирину в угол было настолько сильным, что Земцов начал выкладывать свои козыри раньше времени.

– Хорошо, – кивнул он. – Только прежде чем ты это сделаешь, я хочу задать тебе одну головоломку. Следи за моими руками...

Словно фокусник, он засучил рукава пиджака, оголив голубые манжеты рубашки.

– Одну бумажку я беру у Пирогова, нашего счастливчика, – сказал он.

Пирогов не слишком сопротивлялся, когда Земцов вытянул из его руки стодолларовую купюру. Он все еще не верил, что выиграл эти деньги и без дурных последствий станет их обладателем. И вообще, присутствующие в гостиной не совсем понимали, что происходит, и чем все эти странные игры Земцова кончатся.

Земцов положил купюру на стол перед Ириной.

– А вторую бумажку я вынимаю из обыкновенного почтового конверта... Вот, к примеру, эту, – добавил он, и положил рядом с первой вторую купюру.

– Ну и что? – нетерпеливо спросила Ирина, мельком

взглянув на деньги.

– Попробуй за минуту найти на этих купюрах одно единственное различие, исключая номер.

– Я же говорил, что фальшивые! – по своему понял смысл задачи Пирогов и почти лег на стол, чтобы лучше рассмотреть купюры.

Мешая друг другу, над столом склонились Белкин и Вешний. Ирина, пристально глядя в глаза Земцову, встала с кресла, подошла к столу, заставив расступиться одноклассников, и взяла деньги в руки. В комнате повисла тишина.

"Что я делаю!" – подумал Земцов, обозлившись на самого себя, и вырвал купюры из рук Ирины. Он затолкал их себе в карман, напроочь забыв, что одну из них следовало вернуть Пирогову.

– Время истекло, – произнес он. – Ты проиграла.

– Ты так думаешь? – недоверчиво уточнила Ирина.

– Уверен.

– Дурацкие у тебя игры, Земцов, – устало вздохнула Ирина, снова опускаясь в кресло. – Лучше бы ты пригласил меня танцевать, пока не пришла Люда.

– А при чем здесь Люда?

– А притом, – ответила Ирина тихо, – что она может опять встать между нами, как пятнадцать лет назад.

Кажется, у нее даже глаза повлажнели. Это был удачный и красивый экспромт, который вызвал жидкие аплодисменты у Белкина и Пирогова. Земцов посмотрел на Ирину как Ста-

ниславский на талантливую ученицу, подошел к приемнику и покрутил ручку настройки. Приемник простуженно запел голосом Джо Дассена.

– Почему ты меня ненавидишь, Земцов? – едва слышно спросила Ирина, почти касаясь губами его уха.

Они танцевали посреди гостиной. Впрочем, можно сказать, что они обнимались посреди гостиной, и это тоже будет верно.

– Ты меня вообще не замечаешь, – продолжала шептать Ирина.

– Это не так, – ответил Земцов. – Я все время думаю о тебе.

– Что-то незаметно. Вот я в школе все время думала о тебе. Это было для тебя тайной?

– Просто я очень скрытный человек, Ира. Вещь в себе.

– Вещь в себе? – Краем глаза Ирина увидела, как по лестнице спускается Люда. – Как интересно ты себя характеризуешь. Если бы я знала раньше... если бы я знала...

Земцов не понимал, о чем она говорит. Ирина как-будто вспомнила, что они не просто стоят и шепчутся, а танцуют и, как бы вальсируя, развернула Земцова спиной к лестнице.

– И если бы ты знала раньше, то что? – напомнил Земцов.

– Нет, нет, об этом не говорят, – горячо зашептала Ирина, провела ладонью по его волосам, заставила его склонить голову и крепко поцеловала в губы. Люда не могла этого не увидеть.

– Налей мне водки, – попросила Люда Белкина, приблизившись к столу.

Она взяла рюмку, полную до краев, подошла к обнимающейся паре и выплеснула водку Земцову в лицо.

Ирина, которой тоже досталось несколько капель, отпрянула от Земцова и воскликнула:

– Милочка! А что это за платочек у тебя на шее? Так сейчас модно? Обязательно повяжу себе такой. Если, конечно... – Она взглянула на Земцова, который спокойно вытирал лицо салфеткой. – Если, конечно, Сережа вынудит меня это сделать.

– Вынудит, – ответила Люда, накидывая на плечи свою белую куртку. – Если успеет...

Она вышла на улицу, с силой захлопнув за собой дверь.

– Что это с ней? – спросила Ирина, обводя взглядом всех присутствующих. Только Земцов под этим взглядом не опустил глаза и не пожал плечами. "Надо извиниться перед Людской, – подумал он. – Потом, когда с Ириной будет все кончено, и я сниму маску, она меня поймет и простит..."

Он тоже накинул на плечи куртку и вышел.

– Э-эх, братцы, – вздохнул Белкин, выражая какое-то абстрактное сожаление по какому-то абстрактному поводу, потом махнул рукой и выпил. Нюхая кулак, он вышел в прихожую, поднял с пола свой пуховик и тоже исчез за дверью.

– Значит, все идем глазеть на звезды? – спросил Пирогов в готовности подчиниться большинству, если в него, конечно,

войдет Ирина.

Ирина кивала, думая о своем. Приблизилась к окну, посмотрела на округлые тени от сугробов.

– Однако, здесь становится тоскливо, – сказала она, глядя ладонями свои плечи. – Надеюсь, Курга к утру отыщет ключ от ворот, чтобы я могла уехать?

Она машинально назвала хозяина по фамилии, которую здесь не могли знать, но никто не стал уточнять, кто такой Курга. Только Пирогов с убеждением заверил:

– Отыщет!

Вешний неслышно и незаметно, как опытный лакей, вырос за спиной Ирины.

– Шубу, – не оборачиваясь, попросила она.

Глава 25. Что за шутки, чувак?

Белкин хотел уединиться на пару часов в бане, но в парной наткнулся на хозяина, который протирал пыльные полати. Пришлось дать задний ход.

Во дворе он встретил Пирогова, который шел по чьим-то следам от ворот к кухне.

– Я осмотрел замок, – сказал Пирогов. – Его можно подпилить. Но нужна ножовка по металлу.

Белкин молчал, предпочитая не ввязываться в разговор, чтобы Пирогов быстрее оставил его одного. "Надо было пойти в беседку, – подумал он. – Там бы меня никто не увидел."

– Можно тебя попросить о небольшой услуге? – спросил Пирогов, слепил снежок и швырнул его в стену дома. – Самому мне как-то неудобно, а ты человек нейтральный. Подойди к Земцову и напomini ему, что он для своей игры взял у меня сто баксов, а вернуть забыл...

– Хорошо, постараюсь.

– А чего ты здесь стоишь?

"Вот же прилип, как банный лист к заднице!" – подумал Белкин и вместо ответа повернулся к Пирогову спиной.

Вернувшись с мороза, Белкин долго отогревал руки у камина. Его пальцы покраснели и распухли. Вешний крутил настройку радио, пытаясь найти музыку. В прихожей стучала каблуками Ирина, стряхивая с туфель снег. Хлопнула дверь,

и в дом вошла Люда. Увидев Ирину, она не стала останавливаться и прошла в гостиную одетой. Шелкового шарфика на ней уже не было, и лиловый след от поцелуя симафорил на ее шее.

– Налей мне чего-нибудь! – снова попросила она Белкина, присаживаясь на пуфик у камина.

Белкин покосился на нее и с сомнением произнес:

– Тебе для какой цели налить? Если для того, чтобы плеснуть кому-то в лицо, то лучше использовать обычную воду. Ты прямо говори, чтобы зря продукт не переводить.

Со второго этажа спустился Пирогов с напильником в руке. Он дважды обошел стол, но его напильник не привлек ничьего внимания и не вызвал никаких вопросов, и тогда Пирогов попытался втянуть Вешнего в разговор о замке на воротах.

И тут вдруг прозвучал резкий, оглушительный звук, происхождение которого никто сразу не понял. Ирина по-женски вскрикнула в прихожей. Белкин, сильно вздрогнул и перелил водку через край рюмки. Вешний выругался каким-то непередаваемым междометием "отъмать!" Пирогов, задрав голову, посмотрел на потолок – он подумал, что взорвалась лампа.

– Я хочу, чтобы вы меня выслушали, – прозвучал откуда-то сверху негромкий голос.

Казалось, будто от самого голоса исходит кислый запах пороха, наполнивший гостиную. Все посмотрели наверх, но

не сразу увидели небольшое темное отверстие в стене под потолком, из которого торчал ствол ружья.

– Господи! – прошептала Ирина, опускаясь на диван. – Это еще что такое?

– Что за шутки, чувак? – крикнул Вешний и попытался закинуть в отверстие водочную пробку, словно мяч в волейбольное кольцо.

Пирогов медленно подошел к стене, в которой находилось отверстие, и прислонился к ней спиной. Он находился как раз под стволом, но, тем не менее, это было самым безопасным местом, если бы ружье вновь стало стрелять. Люда продолжала сидеть у камина в расстегнутой куртке, сохраняя удивительное спокойствие и невозмутимость. Белкин с полной рюмкой в руке замер у стола, свирепым взглядом глядя на отверстие.

– Ставлю ультиматум Ирине Гончаровой! – вновь раздался голос – не слишком твердый и уверенный. Человек в дырке откашлялся и продолжил: – Ирина Юрьевна, вы должны немедленно отдать распоряжение, чтобы завтра утром в Эсто-Садок был доставлен миллион долларов – ровно столько, сколько вы задолжали вкладчикам "Титаника". Вот список этих людей...

Из отверстия вылетело несколько листов бумаги, скрепленных степлером. Раненым голубем они упали на голову Пирогову. Он подобрал их и протянул Ирине.

– Все ваши одноклассники, Ирина Юрьевна, будут нахо-

диться здесь до тех пор, пока вы не выполните мое требование. Никто не уйдет за частокол. Но хочу предупредить: через каждые четыре часа я буду казнить одного из вас. Ирина Юрьевна, подумайте хорошо, прежде чем возразить мне. Я требую только то, что вы обязаны были сделать еще несколько лет назад...

– Вы в своем уме?! – крикнула Ирина. – Какой миллион? Откуда у меня такие деньги? Вы хоть газеты читаете? Мою фирму ограбили! Сейфы очистили до последнего доллара! У милиции требуйте свои деньги!

– Вы как всегда лжете, Ирина Юрьевна, но в дискуссию с вами я вступать не буду, – предупредил голос. – Итак, время пошло. У вас есть четыре часа на то, чтобы решить проблему бескровно.

– Эй, лицо покажи! – крикнул Вешний.

– Особенно ретивым объясняю: со мной действует вооруженный сообщник. И он находится среди вас.

Ствол исчез. Отверстие заполнил тряпичный ком. И наступила гробовая тишина.

Глава 26. Кто кого держит за баранов?

Первым нарушил молчание Белкин. Он оглядел присутствующих и пробормотал:

– Если я правильно понял, это новая игра Земцова?

– Лично мне такие игры не нравятся, – признался Пиров, торопясь отойти от стены. Ему было стыдно за свою трусость. – Держи, – Он подал Ирине листы со списком фамилий. – Я как чувствовал, что сверху что-то свалится, и вовремя подошел...

– Шуточки у него, конечно, глупые, – сказал Вешний, через плечо Ирины глядя на список. – Я сразу понял, что это Земцов. Слышали, как я ему сказал: "Морду покажи!"

Люда встала с пуфика. Ей было жарко, и она сняла куртку и положила ее на диван.

– Во-первых, – сказала она, двумя пальцами приподнимая с блюда дольку лимона, присыпанную сахаром, и отправляя ее в рот, – ты сказал не "морду покажи", а "лицо покажи". А во-вторых, что-то не очень этот голос был похож на голос Земцова.

Ирина листала список и покусывала губы. Фамилии были расположены в алфавитном порядке, и она быстро нашла фамилию Курги. Напротив значилось: "\$ 35 000".

– Вот что, мои дорогие, – произнесла она, продолжая нервно шуршать листами. – Это не шутка. Вполне возможно, что это в самом деле был Земцов, тем не менее к ультиматуму надо относиться серьезно.

– Ты с такой легкостью ставишь под сомнение порядочность нашего друга? – с мягкой улыбкой произнесла Люда. – Интересно, чем Земцов тебе не угодил?

– Не тем, чем тебе, – усмехнувшись, ответила Ирина. – Можно сказать, даже наоборот.

Она подошла к камину и кинула список в огонь. Это выглядело очень эффектно.

– Ты всерьез считаешь, что... этот... – начал говорить Пирогов, но осекся, не зная, как назвать человека, который стрелял из ружья и ставил ультиматум.

– Абсолютно серьезно, – ответила Ирина, не дожидаясь, когда Пирогов подберет нужные слова. – Хочу всех предупредить: в списке, – она кивнула на огонь, – все фамилии реальные. Эти люди действительно когда-то были моими вкладчиками.

– Но-о... – протянул Вешний, и на его лице отразилось недоумение. – Но при чем здесь мы? Откуда у нас миллион баксов?

Трудно было понять, кого он подразумевает под словом "мы" – всех, включая Ирину, или же всех, кроме нее?

– О тебе речи не было, – сразу определилась Ирина и села на диван, приняв свою любимую позу – нога за ногу, руки на

груди кренделем. — Я уже устала объяснять, что денег вкладчиков у меня давно нет. Три следственные бригады полгода пытались шить мне уголовное дело, но зубы обломали! Я чиста перед законом и теми несчастными, которые доверили мне свои деньги. Я сама жертва!

Вешний мысленно подметил, что очень похоже Ирина выступала несколько лет назад по телевидению. И говорила приблизительно те же слова.

— Тогда в чем же дело?! — вспылil Вешний. Он почувствовал, что Ирина не довольна его глупыми вопросами, и ему надо срочно восстанавливать прежние позиции. Решительно подойдя к столу, он схватил пустую бутылку и, широко расставив ноги, швырнул ее в отверстие в стене. Он промазал, бутылка с грохотом разбилась о стену.

— Эй, кукушка часовая! — крикнул он. — Высунь рыло! Мы с первого раза не въехали, ты про какие бабки говорил?

Тряпка, которой было заткнута дыра, вылетела от удара, словно пыж из ствола ружья, и вслед за этим прогремел выстрел. Вешний, который стоял ближе всех к стене, моментально повалился на пол, каким-то образом увлекая за собой несколько тарелок и рюмок. Пирогов, пытаясь реабилитироваться перед одноклассниками, кинулся прикрывать собой Ирину, но на это ему не хватило то ли роста, то ли храбрости, и он по-собачьи присел у ее ног. Белкин от выстрела вздрогнул и зачем-то схватил со стола бутылку. Люда шепотом вспомнила мамочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.